

Филарет

Патриарх Московский

М.Шелест

**СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ**

18+

Михаил Шелест

Филарет. Патриарх Московский

«Автор»

2024

Шелест М. В.

Филарет. Патриарх Московский / М. В. Шелест — «Автор», 2024

Герой романа "Филарет - Патриарх Московский" осознаёт себя малолетним Фёдором Захарьиным-Юрьиним и одновременно пришельцем из будущего. Чужое сознание проявляется в ребёнке не сразу, а постепенно, по мере взросления тела. Настоящая жизнь Фёдора ещё не прожита, а будущее вспоминается с трудом, словно изображение, проявляющееся на плохо засвеченной фотобумаге, лежащей в химическом реактиве.

Содержание

Глава 1.	5
Глава 2.	10
Глава 3.	16
Глава 4.	22
Глава 5.	28
Глава 6.	33
Глава 7.	38
Глава 8.	43
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Михаил Шелест

Филарет. Патриарх Московский

Глава 1.

Первые годы жизни я, как нормальный ребёнок, почти не помню, а лет с пяти, когда меня перевели с женской половины на мужскую, помню смутно и обрывками. За этот период (лет до восьми) в основном помнятся розги, которыми меня "награждали" за все "косяки", как-то: неправильная посадка в седле, леность при изучении "молодецких плясок", нерадивость при освоении греческих и русских буквиц, цифири. Но с годами тело крепчало, а разум и память, натренированная учителями, перестала сбывать, и годам к двенадцати я осознал себя взрослым. И осознал, что всё это время словно бы видел себя со стороны. Я стал по крупицам, как пазлы, собирать «вспышки памяти» о моих детских «шалостях», и у меня постепенно начала прорисовываться интересная картина.

Но, начну по порядку.

Я родился в семь тысяч шестидесятом году¹ в один из зимних вечеров в большой усадьбе, расположенной за торговыми рядами на Псковской горке, спускающейся к «Большой реке», напротив Болотного острова.

Когда я был маленький, то для меня вся усадьба заключалась в моём дворе, огороженном деревянным забором и четырёх нижних комнатах двухэтажного каменного дома, где я обитал с мамками, няньками и младшими братьями: Санькой, Минькой и Никиткой. Они были погодками, а самый старший Санька был младше меня тоже на один год. Играть с ними мне было скучно, потому что хоть я и мало, что помню до пяти лет, но мне кажется, что я был намного умнее их.

В три года нянька мне показала буквицы и в пять лет я уже свободно читал Часослов², а Санька и в свои четыре года знал едва ли половину азбуковика³.

Поэтому, как мне вдруг вспомнилось, я лет с четырёх или читал, потому что к пяти годам, когда меня начали учить читать по-настоящему, у меня в памяти сохранились огромные куски текста, и я мог «читать» книги с закрытыми глазами. Что в принципе я иногда и делал, когда хотел спать. И вот тут скрывается самая главная моя тайна. Я мог спать по-настоящему, а мой рот и губы произносили нужные слова. Жалко только, что не могли двигаться мои руки, чтобы перелистывать листы книг, и поэтому приходилось просыпаться. Но читал я специально очень медленно.

Эта способность сохранилась и по сей день, и я пользовался ею практически постоянно, потому что постоянно хотел спать. Просыпались мы очень рано, хотя, конечно и рано ложились, но порой вставали ночью на молебен, и вот тут я мог произносить молитвы и спокойно спать. Няньки спрашивали меня почему я молюсь с закрытыми глазами, а я отвечал, что так мне лучше. Не отвлекаюсь. Ага!

И другие предметы типа: географии, арифметики, которую почему-то называли «цифирь», латынь, я отвечал с закрытыми глазами. Грек-репетитор был этим недоволен, но мне и вправду с закрытыми глазами вспоминать было удобней. Поначалу я боялся отвечать на вопросы с закрытыми глазами, потому что спать всё-таки хотелось не всегда, и тогда я часто ошибался, когда отвечал, а за это получал розог. Потом, когда понял, что с закрытыми глазами вспоминается легче, я плюнул на недоумение грека и отвечать стал увереннее.

На втором этаже усадьбы в пяти комнатах жили отец с мачехой, а потом, с пятилетнего возраста и я, и братья. Второй этаж считался «мужской половиной».

Моя мать Варвара Ховрина умерла почти сразу после моего рождения, и я её не помню, а отец – Никита Романович Захарьин-Юрьев буквально сразу же взял себе другую жену – Евдокию Шуйскую, которая меня невзлюбила и мной не интересовалась. Да и когда ей было интересно мной, когда у неё почти ежегодно рождались свои дети. К моему двенадцатилетию отец «настрогал» ей ещё одиннадцать детей, и усадьба превратилась в кромешный ад, раздираемый младенческими воплями.

Но, слава богу, уже лет с восьми мне стало позволено убежать к деду по матери, чья усадьба находилась рядом с нашей. Буквально сажень в стах, если бежать напрямки через наши огороды. Дед поначалу не очень привечал меня, так как был всегда сильно занят, и нянчиться с малолетним внуком у него просто не было времени, но, когда я попросил у него разрешить тихо сидеть и читать греческие и латинские книги, он удивился, провёл мне экзамен, который показал, что я хорошо считаю, читаю и пишу на трёх языках и предложил научить меня казначейской науке.

Я знал, что большинство моих предков по материнской линии были казначеями при русских царях. И этот дед имел должность Государственного казначея. А из рассказов нянек знал, что мои предки по матери «Ховрины» приехали в Московию из Греции вместе с будущей женой царя Ивана Васильевича Софьей из семьи Византийских императоров Палеологов, и с тех пор служили при царских дворах казначеями и послами. Ну и немного приторговывали, хоть это среди русских бояр и считалось зазорным. Но кому ещё торговать с Кафой, как не Комниным – купцам из Кафы?

По линии отца большинство родичей были воеводами, боярами и наместниками.

Мне нравилось и драться на палках, и считать деньги, но первому, мне казалось, научиться было значительно легче, чем второму, поэтому я решительно выбрал второе.

Освоить науку казначея оказалось не просто. Когда дед впервые вёл меня в склад государевой казны, я наивно полагал, что увижу серебро и золото-бриллианты. Однако в казне лежало всё, что угодно, но не драгоценные металлы и камни. Ткани, меха и одежда, оружие и посуда, слитки меди и олова, зерно. И это всё, как оказалось, не просто лежало и хранилось, а находилось в обороте. С государевой казной расплачивались рухлядью, и казна платила тем же.

Положив передо мной приходную и расходную книги, дед, пока я листал пергаментные листы и отмахивался от нагло летающей вокруг меня моли, смотрел на меня вызывающе снисходительно. Увиденное меня «убило». Понять сколько в казне богатств из книг было невозможно и я «ляпнул»:

– Дед, а почему вы не используете двойную бухгалтерскую запись? – спросил я.

– Двойную бух... э-э-э... запись? – переспросил он, выплюнув залетевшую ему в открытый от удивления рот противную бабочку. – Откуда ты знаешь про двойную купеческую запись?

– Я не знаю. Просто подумал, что, если писать двумя столбцами – слева доход, а справа расход, – было бы понятнее, чем читать: «от купца такого-то поступил налог такой-то, а такому-то выдано из казны две меры овса».

– Ха! Умник! То-то и оно! Если бы тут были только деньги. С ними просто. Туда-сюда, плюс-минус... А попробуй посчитай и оцени эту рухлядь на момент приёма, или выдачи!

Дед вытер пот со лба и осёкся, вытаращив на меня глаза.

– Но откуда ты знаешь про это? Не поверю, что сам додумался. Кто научил?

– А что тут думать? – хмыкнул я. – Так, просто, понятнее. А материальные ценности должно учитывать отдельно, как товар. На каждую операцию завести свои счета. Поставки, например, проводятся по дебету десятого счёта и кредиту шестидесятого...

– Что-что? – переспросил дед и ещё шире раскрыл рот. – Какой ещё счёт?

Раскрыл рот и я, поняв, что несу, какую-то несусветную и непонятную мне самому чушь. Это было четыре года назад. И тогда я даже не помню, как выкрутился. Я просто закрыл глаза

от страха, а что потом говорил мой рот я тогда не понимал. Сейчас понимаю, что тогда говорил и кто я вообще.

Дед тогда просто взял меня за руку, молча вывел из каземата, как он называл казначейские подвалы, и наподдал мне ладонью пониже спины. Я же, получив ускорение, прибежал из кремля к себе во двор и уселся под большую раскидистую липу, уже набиравшую цвет. Под звуки шуршания и звона крыльев перелетающих и ползающих по цветкам пчёл, шмелей и мух, я принялся размышлять и складывать «пазлы».

Как обычно, закрыв глаза, думать получалось лучше всего, но что это было в дедушкином каземате я тогда так и не разобрался. Всплывали в голове упорядоченные знания «бухгалтерского учёта», но откуда они появились, я не знал.

С тех пор я стал не просто пользоваться своей способностью всё быстро и легко запоминать, что оказалось совсем не так, и воспроизводить, закрыв глаза, но и копаться в памяти, анализируя свои знания. Оказалось, что многое из того, что я вроде как изучил, совсем не соответствовало тому объёму знаний, который был у меня. Оказалось, что я ещё до начала обучения меня греком знал латынь, арифметику, географию и историю государства российского. А ещё я знал, и очень неплохо: зоологию, биологию, химию, физику, астрономию, высшую математику, юридическое право и экономику и главное – английский и русский языки. Но самое странное, что тот русский язык, что находился у меня в голове, в корне отличался от того письма и произношения слов, которым обучал меня грек-репетитор.

Дед сам появился в нашем доме через три дня. Я увидел его поднимающимся по отдельному лестничному переходу в мужскую «половину», когда, так же, как и в первый день свержения с «олимпа», сидел под тенью липы. Меня дед не заметил и когда они вместе с отцом вышли на крыльцо, отец громко позвал меня:

– Федька! Федька! Ты где, леший тебя забори?!

– Тут я, тятя! – крикнул я, чуя беду.

– Подь сюды, оголец! Ты почто деда в искус ввёл словесами дерзновенными?! Я вот тебе! Сей же час велю на конюшню свести, да розог отсчитать!

– За что, тятя?! – возмутился я, прячась за ствол липы. – Не дерзил я деду!

– А сейчас, что творишь? Мне дерзить? Поперёк тятки базлаш!

Я увидел, как дед тронул отца за плечо и тот замолк. Они спустились по лестнице вниз, подошли ближе и дед негромко сказал:

– Со мной пойдёшь. У меня жить будешь, науку казначейскую познавать. Хочешь?

Я, видя, что отец, стоя за спиной старика, недовольно скривился, пожал плечами.

– Я ещё лошадей люблю и сабельный бой. Есть у тебя в конюшнях лошади и людишки к оружию приученные?

Ховрин улыбнулся и подойдя, и взъерошив мои вьющиеся волосы, приобнял меня за плечи и потянул за собой.

– Пошли-пошли. У нас, как в Греции, – всё есть.

Не видя с измальства от отца и мачехи ласки, я отнёсся к предложению деда спокойно, равнодушно пожал плечами и отправился, ведомый за руку огородами, жить в чужой дом.

Дед оказался не совсем моим дедом. То есть этот старик не был отцом моей матери. И «дед» оказался даже не Ховриным, а Головиным. Звали его Михаил Петрович и был он дядей моей матери. Но, что для меня было по настоящему важным, это то, что он действительно был Государственным казначеем. Как, кстати, и ещё один мой родственник по этой же линии – Пётр Иванович Головин, считавшийся моим дядькой.

И дед, и дядька со своими семьями проживали в значительно большем, нежели наш, по размеру особняке и хозяйство у них было, честно сказать, побогаче.

Особняк состоял из четырёх, соединённых между собой зданий, имеющих свои подъезды и крыльца, и находился ближе к красной площади и всё ещё недостроенному собору Василия

Блаженного. Так же как и у нас, в сторону реки простирались фруктово-ягодные сады и полисадники, в огороженном забором подворье имелись конюшни, овчарня, иные хозяйственные постройки, и даже кузница, откуда иногда доносилось звонкое постукивание молота и молотков.

Приведя меня на свою «половину», дед тут же учинил мне строжайший экзамен, потребовав начертить мелом на доске, как я вижу учёт казны.

– Вот смотрите, Михал Петрович, у вас несколько казённых палат: золотая, серебряная, мягкой рухляди и другие. В каждой палате свой, как я понял, казначей. Правильно?

Дед молча кивнул.

– В каждой заполняются две книги: приходная и расходная. И всё, вроде, правильно, но невидна разница. Ведь есть же не только свои ценности, но и чужие. Например – товар, поставленный в казну с отсрочкой платежа.

– Как-как? С отсрочкой платежа?

– В долг.

– А-а-а... Тогда мы пишем в долговую книгу.

– Вот-вот. А когда вы будете всё писать в одну книгу, разбив лист на две половины...

Вот смотрите, деда.

Я расчертил доску на четыре части и расписал простую проводку с дебитом-кредитом.

– А вот тут будет баланс дня, – подвёл я черту.

– Баланс, – проговорил дед задумчиво. – Хорошее слово. Ежедневный?

– Ежедневный. Но это ещё не всё. Должна быть книга исходящих остатков по активу и пассиву, обороты по приходу и расходу.

– Тихо-тихо, – остановил меня дед. – Давай ка с самого начала. Вот тебе перо, чернила, бумага... Пиши!

Для жилья и работы дед отвёл мне отдельную небольшую светёлку, куда принесли писцовую кафедру и два больших сундука, которые, накрытые периной, стали мне кроватью. Сюда же приносили разнообразную снедь.

Я, почти не выходя на улицу, писал и переписывал свои записи неделю, причём извёл штук двадцать гусиных перьев и целый бутылёк чёрных чернил. Ну и бумаги пятнадцать листов, а это копейки на две по нынешним ценам. И получилось у меня краткое пособие по ведению бухгалтерского учёта, которое я озаглавил: «Введение в казённую справку».

Дед, ежедневно заходивший ко мне утром и вечером, видя, что я тружусь в поте лица, всю неделю ни о чём не спрашивал, когда увидел десять листов, исписанных убористым почерком, обомлел. А когда прочитал, то на долгое время лишился дара речи и только стоял за кафедрой тупо уставившись на стопку исписанных мной с обеих сторон листов.

– Такого не может быть, – наконец проговорил он. – Не знаю, радоваться ли мне, что у нас в роду появился свой Аристотель.

– Почему Аристотель? – спросил я, устало откидываясь на стену, подложив под спину подушку, набитую овечьей шерстью. – Он разве был ещё и экономом?

– Был-был... А ты, значит, считаешь себя экономистом?

Родственник задумчиво постучал пальцами по деревянной столешнице кафедры.

– Тебе лет-то сколько?

– Девятое пошло.

– Девятое... Интересно получилось. Хотел я тебя обучить, а учишь ты меня... Девятилетний отрок.

– Да, что ты, деда. Я в казённой справе ничего не разумею.

– И где ты подсмотрел такое? У вас в усадьбе? У ключника вашего? Или у тятки?

– Не-е-е... У нас не так. Слушал я в рядах купеческих, да за менялами фряжскими подглядывал. Нравится мне на деньги смотреть и считать.

– За менялами? А ну сочти сколько денег будет в драхме.

– В какой? – спросил я.

Дед улыбнулся.

Следующий час он экзаменовал меня по пересчёту и перелладу с наших монет на иноземные, и с иноземных на иноземные. Обсчитался я всего пару раз, а дед только покрывал и потирал ладони.

– Тебя хоть сейчас ставь за прилавок банка.

– Так там и стоят мальцы, одних со мной лет. Лупили меня сперва за то, что «пялился» на них. Ругали, что сглажу. А потом пообвыкли.

– Ха! Мальцы! Эти мальцы играют монетами, как только народились и счёту ростовщическому учатся с трёх лет, а не с пяти, как у нас. А кто и ранее... Били, говоришь?

– Били, деда.

– Сейчас не бьют?

– Не бьют.

– Значит своего почувяли, крысенята.

– Не дядька их со мной говорил, да спрашивал чей я. Я сказал, Федюнька Ховрин-Захарин, а он покрутил головой и разрешил стоять, а мальчикам заказал меня тремать.

– Федюнька, говоришь? Вот ты мне, Федюнька, и задал задачу. Что делать с тобой таким? Аристотелем-Пифагором? Учить тебя уже не чему, а к делу приставлять пока рано. Покажу тебе и расскажу про казначейские хитрости, но это день-два, а дальше что? То, что ты тут написал, в пору государю Ивану Васильевичу нести, но как он поймёт, если сказать, что это перемога внука моего. Хе-хе! Девятилетнего... Хе-хе!

– А вы не говорите, деда, – скривился я. – Сперва не говорите, а когда прочтает, скажите. Или вообще... Передайте вместе с вашей челобитной. Прошу, де, государь, рассмотреть сии новшества в учёте... Ну, вы поняли, да, деда?

– Понял-понял, но лгать царю я не стану. Не любит он кривды. Коли узнает, когда потом, веры мне не будет. На доверии царском и держится наш род. Не было у нас никого, кто бы царей обманул. Ни здесь, ни в Византии. Да и в торговле вера к нам высокая. На том и стоим.

Глава 2.

– Понимаю, деда. Тогда я не знаю, – пожал плечами я.

– Хоть что-то он не знает, – проворчал казначей его величества. – Ладно ты поработал, отдыхай пока. Можешь погулять по усадьбе, но далеко не уходи. Пошлю служку своего к государевым рындам, разузнать, где государь. Навроде в палатах быть должен. Спиной мается два дни. Испрошу а-у-д-и-ен-ци-и. Тьфу, прости Господи! Как англичане повадились к государю нашему наезжать, так он стал требовать от слуг своих словеса иноземные употре, прости Господи, блять.

– Что со спиной?

– Стреляет в пояс.

– Понятно. Я тут похожу. В кузню загляну. Не погонит меня кузнец?

– Скажи, я дозволил, но к огню не лезь. Да и вообще, внутрь не заходи. Не любят оне. Всё! Побёг я сначала в казну, а потом во дворец.

– А сразу во дворец нельзя?

– Не по чину мне с рындами якшаться. Служку пошлю, разузнает.

Он чинно «побёг», выйдя из ставшей мне родной светёлки, а я положил подушку на её законное место и растянулся на лежанке.

– Может ну её, эту прогулку? – подумал я. – Вздремнуть бы...

Спина гудела от стояния у кафедры.

– Надо сделать нормальный письменный стол и кресло удобное, – продолжил я размышлять. – Помню, когда-то я мечтал поставить себе старинное бюро в кабинет. В кабинет? Какой кабинет? Нет у меня никакого кабинета. Или есть? Помню большие окна с прозрачными стёклами. Где это было? И большой стол со складывающейся крышкой и ящичками для перьев, чернил и бумаги.

Я понял, что задремал и резко дёрнулся. Нельзя спать. Надо выйти на двор. Зачем? Ах, да... Прострел!

С трудом сделав усилие, чтобы раскрыть глаза, я увидел не широкие прозрачные стёкла окон, а высокое удлинённое окно со слюдяными оконцами, вставленными в деревянные перемычки. Я в который уже раз за эту неделю сделал попытку что-то разглядеть через полупрозрачную пластину.

– Хрен там, называется, – подумал я, недовольно скривившись, и одёрнул себя. – А чем я, собственно, недоволен? В моём доме – в нашей спальне на четверых – точно такие же окна. Узкие и совсем даже непрозрачные. И где я мог видеть широкие и прозрачные, как воздух? Только во сне, конечно, усмехнулся я и протёр кулаками глаза, успевшие за короткий сон слипнуться.

Всё хватит тут рассиживаться.

Схватив с кафедры пустую склянку, в которой ещё недавно были чернила, я заткнул её деревянной пробкой, сунул запазуху полотняной рубахи, опоясанной тонким кожаным ремешком, завязанным на хитрый узелок, и выбежал под июньское солнышко.

* * *

– Ну-ка... Если двадцать пять копеек раздать пятерым э-э-э опричным воям, сколько будет у каждого?

Я посмотрел на царя снисходительно, но удержался от того же в голосе.

– Пять, государь. Это просто, – сказал я.

Иван Васильевич уже некоторое время экзаменовал меня, но дальше таблицы умножения на «пять», почему-то озадачить меня не решался.

– Можно я сам себе придумаю задачу, государь. Похоже, вы меня жалеете.

Царь посмотрел на нахмурившегося Михаила Головина и, увидев, что тот кивнул, пожал плечами и сказал:

– Давай сам.

– Казна выдала сотнику для выдачи награды за сражение пятьсот копеек.

– Новгородских? Мало что-то... Что за сражение такое? Ежели сотня конная, то не меньше пяти тысяч.

Я улыбнулся.

– Пусть будет пять тысяч. Однако после сражения в сотне осталось э-э-э тридцать два всадника. Вопрос... Сколько денег у сотника если он «новгородки» поменял на «московки»?

– Хм... Мудрёно, – улыбнулся царь. – И сколько? Хотя нет. Расскажи, как считать будешь? Снова без счёта костями? Только умом?

Я тоже улыбнулся.

– Да, государь. Начнём. Каждому конному воину за сражение полагалось по пятьдесят копеек, потому что пятьдесят тысяч мы делим на сотню. Правильно?

– Давай-давай, – подмигнул мне царь.

Похоже моя игра ему нравилась.

– Вот... Но конных осталось только тридцать два, поэтому пятьдесят умножаем на тридцать два.

– Что делаем? Умножаем? Это как? – сделал «стойку», подавшись вперёд, царь и тут же ойкнул.

– Э-э-э... Значит берём тридцать три раза.

– А-а-а... Так бы и говорил, – прокрихтел Иван Васильевич, морщась от боли. – Вот лихоманка бисова! Прости, Господи!

– Значит выдал сотник одну тысячу шестьсот копеек. Вычитаем их из пяти тысяч и получаем три тысячи четыреста «новгородок». Делим их пополам и получаем одну тысячу семьсот «московок». Как-то так, великий государь.

– Силё-ё-ён, ты брат. Значит ты всю «пифагорову таблицу» знаешь?

– Всю? – удивился я. – Всю её никто не знает. Она бесконечная. А до десяти знаю. Но в том то и дело, что слишком она неудобная для счёта, ведь не упомнишь всё умножение.

– Не упомнишь. Так для того счёт костями есть, – хмыкнул царь.

– А ты, государь, считаешь сам большие цифры?

Иван Васильевич смутился.

– Не особо. То не надобно мне.

– Во-о-о-т, – развёл я руками. – На костях посчитал, и буквами записал. Не ладно так.

– А как надо? – спросил царь и покачал головой. – Вот вы греки... Горазды на выдумки. Он у тебя, Михал Петрович, точно – Пифагор. Сказывай далее, отрок.

Я подошёл к счётной доске, специально принесённой для экзамена, и написал: VI.V=DK.

– Вот – двенадцать помножить на два, получится – двадцать и четыре. Без костного счёта не посчитать. А если записать индийскими цифрами, то всё станет просто и поятно.

Я написал: 12.2=24.

– Это – десятки, это – единицы. На это указывает порядок расстановки.

Царь смотрел на доску ничего не понимая, а вот дед заинтересовался.

– Ну-ка, ну-ка, – проговорил он. – Эту цифирь я знаю. Приходил в Кафу купец из тех мест. Мы тогда с посольством там были, великий государь. Ну и торговали маленько. Вот он так записывал. Считал и писал сначала по-своему, а потом по-нашему. Сходилось. А ты, значит и это усвоил? Вот шельмец!

Дед восторженно разулыбался.

– Так ладно... Если эту цифирь вставить в таблицу Пифагора, вообще всё будет понятно.

Вот...

Я написал: 1,2,3,4,5 по-горизонтали и то же самое по вертикали, а в точках пресечения цифр их произведение.

– Вот и всё. Легко, да? – спросил я.

Иван Васильевич и Михаил Петрович переглянулись.

– Охренеть, – сказал дед.

– Тут даже ко мне, кажется, дошло, – медленно проговорил царь. – Подрастёт мой Фёдор, тебе отдам в ученики.

– А сколько ему сейчас лет?

– Э-э-э, – задумался государь, что-то считая в уме. – Четыре вот в мае исполнилось.

Старшему Ивану семь лет в марте исполнилось. А тебе, малой?

– Зимой восемь стукнуло.

– О как! Силён! И значит, ты эти листы исписал? – спросил царь, пытаясь отойти от непонятной ему математики.

– Так и есть, – кивнул головой я.

– Кто надоумил?

– Само пришло. Вот деда не даст солгать.

– Ховрины не лгут, – сказал дед и поправился. – Не лгут Московским царям.

– Потому, что клятву верности давали, но он-то не давал.

Царь улыбнулся хитро сощурившись.

– Я русский, а значит верен тебе.

Царь вдруг помрачнел, словно на него нашла туча и покачал головой.

– Не все так думают. Нет у нас такого понятия, верность государству по рождению. Уходят князья и бояре в Литву вместе с дружинами. И какие князья и бояре?! Обласканные! Эх!

Иван махнул рукой, резко встал с кресла и вскрикнул от боли, схватившись обеими руками за поясницу.

– Ох-о-хо... Вот беда-то.

Он, оставаясь в чуть наклонённом вперёд положении, попытался сесть в деревянное кресло обратно, но я шагнул вперёд и придержал его за локоть.

– Великий государь, позволь помочь?! – спросил я.

– Чем ты сможешь, отрок?

– Я пчёл принёс. Видел, как знахарь на торжище пчёлами лечил. Он скрывал, да я подсмотрел. Помнёт-помнёт болезному спину, а сам из плоски пчелу вынет за крылья, да приставит к спине. А она и ужаль... И всё лечение.

– И сразу проходит? – удивился царь.

– Не сразу. Но многие приходили и вспоминали прошлые случаи и говорили, что тогда помог, помоги и сейчас.

– Ты, что, пчёл принёс?

– Принёс.

– А зачем они тебе?

– Так, тебя, государь, лечить. Деда сказал, что у тебя поясницу прихватило, а я и вспомнил про пчёл. Вспомнил и побежал в сад. Там пчёл полно.

– А, ну, покажь!

– Вот.

Я достал из-за пазухи бутылёк из тёмно-зелёного стекла и протянул царю.

– Только не открывай. Улетят.

– Много там? – спросил царь, прикладывая склянку к уху.

– Десяток.

– Маятся, – проговорил царь, жалостливо скривившись. – Помрут ведь. У них, как у Кощёя Бессмертного – смерть на конце иглы. Ужалят и помирают. Не жалко?

– Вот ещё! – дёрнул плечами я. – Что такое пчёлы и что такое государь? Две большие разницы.

Иван Васильевич посмотрел на меня, грустно усмехнулся и, потрепав меня по волосам ладонью, произнёс:

– Лечи уж, Федька-Пифагор. Только раздеться помоги. Михал Петрович, подсоби рубаху снять.

– Задерём только до самой головы, – сказал я. – Не надо совсем снимать.

Рубаху приподняли и я приступил к Ивану Васильевичу сзади. Он стоял прямо, упираясь руками на спинку кресла. Тело у него было крепким и хорошо развитые дельтовидные мышцы и плечи расширили его значительно по сравнению с нижней частью.

– Это я, когда Казань взяли, застудился. Продуло и зело спину прихватило в первый раз. Но тогда знахарь из местных мокшан помог. Мазью с гадьчьим ядом помазал меня и к утру, как рукой... Ой!

– Терпи государь.

Я вынул вторую пчелу и ткнул ею справа от позвоночника.

– Ой!

– Потерпи, государь.

Я прошёлся пчёлами по обе стороны от хребта с поясницы до копчика. И начал считать секунды. Иван Васильевич по причине своей болезни прибывал в своей спальне раздетый до исподнего, и когда мы пришли с дедом, лежал. Однако, когда прочитал моё «Введение», его, как пружиной с постели сбросило. Ну и началось...

Сейчас он стоял передо мной с голым задом, и я думал, что делать дальше.

– Великий государь нужные места я обколел. Ещё осталось шесть пчёл, но опасаясь я много яда в тебя впускать. Кто знает, как подействует. Сейчас надо обождать примерно один часец⁴. Потом жала уберём. Склянку с пчёлами я оставляю. Ежели что, рынду попросишь, или царицу они их тебе вставят.

– Кого? Настасью? Да, какой с неё лекарь? Да ещё пчёлами... Она их боится пуще огня. Государь рассмеялся.

– А рынде я свой зад показывать не хочу. Мало ли что у них на уме, у воев этих...

Я делано округлил глаза.

– Что дивишься? Хватит этот ещё рында по башке кулаком. А ты о чём подумал, отрок? Царь рассмеялся и погрозил мне пальцем.

– Сам придёшь. Раз сам начал, сам и закончишь справу свою. А я награжу тебя изрядно, коли полегчает. А за это...

Царь ткнул пальцем в лежащие на деревянном кресле исписанные листы...

– Отпиши-ка, Михал Петрович, сему отроку...

Он посмотрел на казначея и задумался, теребя бороду.

– Младый ещё он. Так бы, за такую справу, и поместья не жалко, но расписано всё по избранным. Нет земель свободных.

Царь напрягся лицом, сведя густые брови на переносице. Нижняя губа выдвинулась вперёд и потому его большой нос почти достал верхнюю губу. «На нашего Буншу похож», – вспомнилось мне где-то слышанное.

– Коня, сбрую? Мал ещё, – продолжал размышлять вслух Иван Васильевич. – Шубу? Да, ну!

– Может его на оклад взять? В казначейство. Он сим «Введением» уже привнёс разума в справу нашу казначейскую, а с его индийской цифирью и этим, как его, «умножением», там хоть посчитать всё можно будет, переведа всю рухлядь на деньги.

Царь посмотрел, на меня не распрямляя бровей, потом вдруг резко вскинул их и, словно прозрев, воскликнул:

– А ведь правде твоя, Михал Петрович. Вноси его в боярский список и приписывай к казне, но не сорока твои соболиные считать, а в разрядные палаты со всеми там записями разбираться. Зело борзо он буквицы пишет.

– Заклюют его там дьяки, великий государь, да и ослепнет в скорости.

– Так не говорю же, чтобы сиднем там сидел. Пусть походит, присмотрится, что там дьяки творят. Чую, что в родословцы древние они кривду пишут. Понаехало из земель заморских, немецких, да литовских быдла всякого с родословными «липовыми». И крутятся они возле дьяков тех. Сказывают мне. У тебя в палатах места не прибавится, а вот людишек придётся добавить, я думаю, чтобы учёт сей ввести.

Царь снова ткнул пальцем в мою писанину.

– А потому место там ему не найдётся, вот пусть и посидит там. А кто «клевать» начнёт пусть скажет. Мы того укоротим.

Царь наклонился заглянул мне прямо в глаза.

– Жду от тебя новый счёт. Переведи нашу цифирь на свою. В нашей, если честно, я ни черта, прости Господи, не понимаю. Читать читаю, да. Складываю кое-как, а с большой цифирью даже и не связываюсь.

– Думаю, мало кто может обойтись без костного счёта, да на перстах ещё я, к примеру, могу. А так, как он, – дед показал на меня пальцем, – верно никто у нас не может.

– Вот и я о том. Изложишь на бумаге, приставлю тебя к наследнику моему наставником. Осилишь?

– Осилю, государь. Давно о том думаю. Бумаги не было и чернил. Тятя не давал.

– Вишь, как... Болван твой тятя, хоть и воевода исправный. Тоже из тех, кто предан мне и делу моему. Спаси его бог. Да и Анастасия моя – добрая душа – из вашего рода. Подрастёшь, пойдёшь в избранные, станешь служить мне?

– Так... Уже, вроде, служу, – неуверенно пожал я плечами.

– И то.

– Давай, государь, жала изыму

Иван Васильевич снова развернулся спиной. Дед приподнял ему рубаху, а я повывёртывал жала с опустошёнными мешочками.

– С сего дня и вписывай его в боярский список. Указ подготовь и принеси мне на подпись, Михал Петрович, сей же день. – Говорил царь, пока я его «оперировал».

– Тут же и принесу, великий государь, – согласился дед, оправляя ему рубаху.

– Как писать его станешь, Захарьиным, или Головиным?

Дед посмотрел на меня и пожал плечами.

– Хотел было, к себе приписать, и отец его был не против, когда отдавал, а тут, вдруг вчера взъерепенился. Мой, говорит, сын. Вертай взад! Едва вчера не забрал. А мне бы помощника в денежной справе и купечестве. Сын-то мой далече и служба у него.

– Помню, помню, ты говорил. А ты, что скажешь, Фёдор? Пойдёшь в наследники к деду? Возьмёшь его имя его семьи?

Я некоторое время сделал вид, что подумал, а потом покачал головой.

– Мне чужого не надо, государь. Есть прямой наследник, пусть и владеет. И не хочу родного тятю обижать. Он говорил, что любил мамку мою, вот и ко мне воспрял духом. А помогать готов. Только мал ещё я купеческими делами заправлять. Силёнок маловато с караванами ходить. Оружную справу ещё не разумею.

Дед рассмеялся.

– Не надо тебе с караванами ходить. Пригляд за товарами в гостином дворе нужон. У меня есть там приказчики по разным товарам, но ты сам видишь, что всё правильно учесть и сосчитать – это много времени надо, а у меня его совсем нет. А сейчас и вообще не будет. Деньги от товара поступают, но чую, что воруют. Шуршат, как крысы.

– Ладно, Михал Петрович, вы ступайте, а я прилягу. Отпускает вроде бы боль. Указ неси. Мы из царской спальни ушли. Я радостный пошёл домой, рассчитывая пообедать и завалиться поспать, а дед поспешил в казначейство, лишая себя полуденной «сиесты».

Выйдя из палат царских, я побежал переполненный радостью, а у меня трепетала птицей одна единственная мысль: «Получилось! Получилось! Получилось!». Я долго планировал проникновение к царю и оно получилось. Даже лучше, чем хотелось.

– «Только бы он не распух, от пчелиных укусов», – думал я, быстро переступая обутиными в сапожки ногами конские кучи и коровьи лепёхи и уворачиваясь от грязных рук рядных попрошаек, намеревавшихся схватить меня за рубаху и порты. Вскоре я достиг ворот дедовой усадьбы.

– Буду жить здесь, – подумал я, – пока отец не переселит меня в отдельную горницу. Я, чай, сейчас не просто отрок, а боярин, лять, и помощник государственного казначея. Да и веселее здесь. С ровней играть интереснее. Не задирает меня пока никто из головинных ребят.

Дедов двор был самым большим и на него, когда появился я, стала собираться вся местная ребятня и младшаки, и старшаки. Только мелких они с собой не приводили. Дед не любил детский слёз и криков.

Работая над «Введением в бухгалтерский учёт» я не забывал отдыхать и на вечерней заре всегда выходил поиграть. Играли, в основном, в «бабки» или «пекаря». Дед, наверное, только из-за меня разрешал внукам занимать вечером его двор. Сам он в это время всегда выходил на своё крыльцо, усаживался на табурет, пил парное молоко, только что подоенных коров, закусывая его с печеньем.

Когда раздавались голоса нянек и мамок, зовущие ребятню, я тоже бросал игрушки, умывался, обувался и шел в стоящую меж двух наших усадеб церковь Максима Исповедника на вечернюю молитву. Там собирались в основном все наши родичи. Церквей в Москве было много.

Глава 3.

В тот день, четыре года назад, я так и не уснул. Придя «домой» я нашёл в своей светёлке на подоконнике плошки с капустными щами с мясом, гороховой кашей и холодным компотом из сухих фруктов и ягод. До «Петрова поста» оставалось ещё три дня, а потому кормили, жирно и мясно.

Даже когда я торопливо уничтожал еду, мои мысли продолжали крутиться вокруг одного и того же: «Дальше что?».

К этому времени, мне уже стало понятно, что я – это не совсем я. За те десять дней, что прошли с момента моего первого посещения дедушкиного «каземата», я многое понял. Особенно лёжа с закрытыми глазами, после вечерней молитвы, на своей мягкой пуховой лежанке. Понял – не совсем правильное слово. Стал догадываться.

Как уже говорилось, что было в моём младенчестве я не помнил почти совсем. Однако, покочерявшись в памяти и сложив кое-какие события, а именно: удивлённые лица няnek и мамок, их испуг и накладываемые крёстные знамения на меня, перешёптывание родителей, и злобный свистящий шёпот мачехи: «изыди, сатана», я пришёл к выводу, что и тогда знания из меня так и пёрли.

Может быть именно поэтому и отец был со мной холоден.

Я вспомнил, с каким испугом со мной возились няньки и каким ужасом, приносили мне и уносили от меня в отцовскую библиотеку запрошенные мной книги. Мне было не понятно такое ко мне отношение, но сравнить его мне было не с чем, поэтому я не заморачивался. Мне было всё равно, как ко мне относятся другие. Главное, чтобы тот я, который требовал знаний, был удовлетворён.

Поразмыслив в те дни, когда я списывал из своей памяти «Введение в бухгалтерский учёт» над тем, что я такое, пришел к выводу, что внутри меня сидит не безудержная потребность в знаниях, а некий демон, управляющий моим телом. Этот вывод меня сильно расстроил и именно поэтому я в тот день так и не уснул даже после сытного и избыточного обеда.

Промаявшись до общей побудки, когда дворня стала «шуршать» по территории усадьбы и поняв, что, в общем-то, «демон» не беспокоил меня и не проявлял себя, чтобы мне его опасаться на людях, я надел портки, завязал поверх рубахи поясok и, прихватив картуз, вышел во двор. Заслышав мелодичный перезвон наковальни, я было направился туда, но увидел шедшего в свою мастерскую плотника Ерёму.

В кузне я уже сегодня был, а вот плотника в мастерской не застал.

– Ерёмка, деда сказал, что ты мне поможешь в одном деле.

Плотник остановился и глянул на меня. Он был лохмат, заспан и от него разило луком и брагой.

– Ты – Фёдор Никитич, старшой сын Никиты Захарьина и Варвары, упокой Господи её душу?

Я кивнул.

– Знавал я её, когда она ещё в девках хаживала. А вот батьку твою только со стороны... Нелюдимый он у тебя. А ты, что, тут на постоянно проживать останешься или погостить...

– Погостить-погостить, – перебил я его, так как знал, что с холопами и дворней лучше о стороннем не заговаривать, ибо, заболтают так, что и не заметишь, как день кончится. – Так, поможешь мне?

Ерёма недовольно скривился.

– Что надо делать, барин?

– Кто это – барин?

– Знамо, кто – ты, не я же, – плотник снова оживился. – Михал Петрович всем объявил, что с сего дни обращаться к тебе только так.

– Вот оно что! Быстро я возвысился! – подумал я. – Не обернулось бы мне это возвышение лихом. Кто-то пол жизни зад рвёт, чтобы боярство получить, а я в одночасье, хлобысь, и в дамки. Вот-то в отцовом семействе заголосят. Батяня-то не боярин ещё. Воевода – да, но до боярства ему ещё далеко. Осерчает. Пороть уже не моги, только на правёж к государю.

– Ха-ха! – рассмеялся я в голос, так неожиданно для Ерёмы, что он вздрогнул и осенил себя крестом. – Не боись. Только сегодня от царя боярство получил. Сам забыл.

– От самого, Ивана Васильича? – снова оживился плотник, пытаясь втянуть меня в рассказ о том, как я получил боярство.

– Так, Ерёма, не пудри мне мозги. Пошли в мастерскую, скажу, что надо делать.

– У меня своей работы гора и маленькая тележка, – заныл он.

– На правёж к деду хочешь? Устрою прямо сейчас. Хотя я сейчас и сам могу распорядиться. Позвать кучера с вожжами?

Ерёма посмотрел на меня исподлобья и молча направился к мастерской, по пути пнув рывшегося на посыпанной песком дорожке, петуха. Петух было кинулся на обидчика, но получил второй удар ногой и улетел в кусты рясно цветущей по обе стороны дорожки малины. Куры разорались, обидевшись за «мужа», и разлетелись кудахта в разные стороны.

– Началось в деревне утро, – подумал я. – Сейчас петух клюнет собаку, собака укусит жену плотника, и плотник вечером получит по голове скалкой, за то, что придёт с запахом браги. А о, что он сегодня напьётся с устатку, это и к бабке ведунье ходить не надо.

В плотницкой мастерской было жарко, пахло стружкой и бражкой.

– Где-то стоит откупоренный бочонок, – понял я и сказал:

– Зря ты бухаешь днём. Выпорет хозяин. Особенно если ты к вечеру не исполнишь мой заказ. Я тебя с утра ищу, а ты с утра уже пьяный и до сих пор не проснулся. А мне сегодня после вечерни к государю снова идти и справу мою показывать.

– Говори, что делать надо, – хмуро просипел Ерёма пересохшим горлом и покосился в угол сарая.

– Сделаешь бусины, как для чётки, вот такие, – показал я образец, – токма дыры не такие, а побольше, под спицы деревянные, которые тоже сделаешь. Размеры вот такие...

Подав ему ивовый, зачищенный от коры прутик.

– Сделаешь вот такой короб.

На толстой свиной крашенной коричневой коже, набитой на несколько досок, я нарисовал мелом рамку со вставленными в неё прутиками с нанизанными на них бусинами.

– На каждой спице по десять бусин, а здесь и здесь по четыре. Всё понятно?

– Понятно, – буркнул плотник.

– Это хорошо, потому, что сроку тебе до вечерни.

Я развернулся и пошёл на выход.

– Всё одно не успею.

– Хочешь помогу? – спросил я.

Ерёма снисходительно посмотрел на меня.

– А что ты могёшь? – криво усмехнувшись, спросил он.

– На стане точильном бусины выточить, сверлить дыры коловоротом, строгать плашки.

Много чего могу.

– Врёшь небось?! – удивился плотник. – А ну, покаж.

Он подошёл к простейшему токарному станку с ножным приводом и зажав в него брусок, подав мне резец деревянной рукояткой вперёд. Я покрутил его, перед глазами, разглядывая и подошёл к станку.

– Давненько не игрывали мы в шашки, – пронеслась чужая мысль и родила идею наточить ещё и шашек, а к ним сделать коробку-доску.

– Так. Задание меняется, – сказал я. – У тебя тонкие листы дерева есть?

– Тонкие?

Я кивнул.

– Такие? – он показал на лежащие стопкой деревянные пластины толщиной с сантиметр.

– А ещё тоньше?

– Шпон, что-ли?

– Ну... Есть маленько.

– Покажи.

Ерёма пошёл в угол мастерской и взял с полки стопку тонких листов и поднёс мне.

– Нормально. Отрезаешь ровно вот так и вот так. Угольник у тебя есть с прямым углом?

– Это как?

Я начертил на «доске».

– А-а-а... Есть. Равный зовётся.

– Вот и вырежи два вот таких.

Я начертил.

– Тут одна часть, а тут две. Понял.

– Что ж не понять? Понял.

– Приступай, а я пока шашек наточу.

– Ну-ну, – недоверчиво хмыкнул Ерёма.

Я поставил ступню на педаль, а сам крутнул маховик, держащий зазубринами заготовку. Плашка медленно завертелась. Прижав резец к вращающейся поверхности, я почувствовал удар и резец вылетел у меня из рук, едва не угодив в левую, выставленную чуть вперёд, ногу.

– О, мля! – выразил я свои чувства и глянул на расплывшегося в улыбке плотника. – Как же так?

Тот на вопрос не отреагировал, а тупо смотрел, улыбаясь во всё лицо. Хмыкнув, я хищным взглядом оглядел помещение. Глаза уже привыкли к полумраку и, что тут имелось мне было прекрасно видно. Вскоре я усмотрел куску небольших камней, лежащих в стороне.

– Что это? Для чего?

– Камни. Для гнёта. Придавить если что надо...

– Понятно!

Я махнул рукой и, подойдя к кучке, выбрал подходящий мне и положил на станину станка перед заготовкой. Ерёма смотрел с любопытством. Снова крутнув бабку и нажав на педаль, я поднёс резец к детали и положил его на камень. Вращающаяся заготовка ударила, руки дёрнулись, но резец удержали. Сзади меня «крякнули» и вымолвили с уважением.

– Ну, ты, барин, даёшь!

Я даже не оглянулся сосредоточившись на вибрации в руках, а постарался ускорить вращение детали.

«Спасибо бабушкиной и маминой швейным машинкам с ножным приводом», мелькнула чужая мысль.

Выточив цилиндр нужной толщины я уверенно выбрал в ящике с инструментами отрезной резец и, не обращая внимание на хозяина мастерской, принялся нарезать шайбы.

– Тут это, – услышал я. – Шпон-то ореховый, а плашек ореховых у меня нет.

Я обернулся и с прищуром посмотрел на Ерёму. Тот хмурился. Вторая половина дня у него явно не задалась, ибо проходила «на сухую».

– Подбери похожее дерево по структуре и цвету. Плашки – это не главное. Главное – шпон красивый.

– А что это будет? Для чего коробка?

– Да подумай из чего застёжки сделать? И петли?

Теперь отмахнулся от меня плотник.

– Есть у меня медной проволоки кусок.

Я удивился.

– Да ты богач.

Ерёма горделиво выпрямился.

– А то...

– Не тормози, – охолодил я его хвостовство. – ежели всё сделаем в срок и ладно, получишь копейку

– Да ну! – охренел от перспективы плотник. – Так это же ведро водки!

Я отвернулся и, вздохнув, покачал головой. И тут труд меряют водкой. Народ Москвы спивался и я это видел. Мимо наших ворот по Гостиной улице вечером одному ходить было опасно. И не по причине грабежей, хотя и это процветало, а по причине шарахающихся мимо толп пьяниц.

– Я пить не буду, – пообещал я сам себе.

Мы с плотником закончили работу почти одновременно. Я посмотрел, как он вставляет проволочные петельки в длинные плашки и вставляет в них кусочки проволоки и убедился, что его на усадьбе держат не зря.

Он, слегка хлопнув, закрыл коробку-доску и накинул на гвоздик крючок, замкнув створки и посмотрел на меня.

– Гони копейку.

Вздохнув, я отобрал у него коробку и, раскрыв, стал размечать игровое поле.

– Морилка есть?

– ...

– Надо вот эти квадраты, что помечены мелом, чуть затемнить.

– А-а-а! Понятно. Сильно затемнить.

– Сказано, «чуть», то есть слегка.

– Ясень пень!

Плотник взял тонкую кисточку и аккуратно пользуясь угольником, закрасил нужные квадраты. Я потрогал. Краска сразу впиталась в древесину.

– Эх, лаком бы покрыть, да сохнуть будет долго.

– Это, да, – согласился плотник.

– Покрась ещё вот эти шайбы, – попросил я.

Через некоторое время он закончил красить и я сложил шашки в открытую коробку.

– И что это у нас получилось?

– Подарок царю, Ерёма. Игра. Обязательно про тебя царю скажу.

– Как-кая такая игра, – отчего-то напрягся Ерёма.

– Настольная. «Шашки» называется.

Плотник вдруг бухнулся на колени и пополз ко мне.

– Не губи, барин! Не губи-и! – заголосил он.

– Что с тобой?!

Я отпрянул к выходу.

– Нельзя-я-я! – прошипел он, продолжая двигаться ко мне на коленях. – Нельзя-я-я!

– Что нельзя?

– Шашки-шахматы нельзя!

– Да, почему, нельзя? – оттолкнув его руки, вскрикнул уже я.

– Попы! Попы запреща-а-а-ю-ю-ю-т! Собо-о-о-р запрет наложил и митрополи-и-и-т...

На-а-а ак!

Он икнул и тихо завыл.

– На-а-а к-к-к-о-о-о-л!

Сказать, что я охренел, это – мало. На меня тоже напала икота, но я справился с нака- тившим на меня страхом, взял доску и вышел из сарая на слегка подрагивающих ногах.

– Сейчас нажрётся в хлам, – подумал я. – И будет в своём праве.

Эта мысль слегка развеселила меня и на фоне нервного веселья я, справившись с дро- жью в коленках, отправился к себе, прижимая локтем к боку злополучную доску. В комнате я положил доску на подоконник и посмотрел на неё со стороны. Она мне понравилась.

– Ну и пусть у меня лежат, – подумал я. – Сам с собой играть буду. Ещё и шахматы вырежу. Попрошу кузнеца инструмент сделать и вырежу. Болванки на станке выточу, а дальше и делов-то...

Позвали к вечерне, которая собиралась ежедневно в семнадцать часов. Отстояв и отмо- лившись, я плюнул на вероятность посадки на кол и вернулся «домой» за шашками. Чтобы никто не понял, что я несу, завернул коробку в чистую сорочку и побрёл, трясясь, в Кремль. Склеянку с пчёлами положил туда же, в коробку-доску, как и пакетик с липовым цветом. Шашки у меня были в мешочке за пазухой.

На крыльце казначейства меня встретил дед. Глянув на свёрток, он развернул его и хотел открыть коробку.

– Э-э-э... Там склянка с пчёлами. Разлетятся.

Дед глянул на меня, нахмурился, приоткрыл коробку, помяв мешочек с липой, хмыкнул, но ничего не сказал, и мы пошли в царские палаты.

– О! Пришли! – Сурово встретил нас царь-государь. – Снова стреляет. Отпустило было, а потом...

Я пожал плечами и, развернув тряпицу, раскрыл коробку и достал ёмкость с пчёлами. Развернувшись к царю, я увидел в его глазах растерянность, а у деда на лице лёгкую ухмылку.

– Это у тебя что?

– Где? Склянка.

– Не... Это, – он показал пальцем на коробку-доску.

– Липовый цвет в мешочке, – я понюхал и протянул. – Хорошо пахнет. Взвар делать.

Иван Васильевич взял, понюхал, кивнул и переглянулся с дедом.

– Ладно, давайте уже приступим к экзекуции, – молвил государь и сам задрал рубаху. Он с утра так, видимо, и не облачался в царские одежды.

– Получается, что я так и не видел ещё настоящего царя, – подумал я, разглядывая его голую задницу.

Осмотрев места пчелиных укусов и не увидев признаков аллергических высыпаний, я вколол царю два пчелиных жала прямо в между остистыми отростками и убрал склянку.

– Что так мало? – спросил царь недовольно.

– Вредно сразу много. Можно переполнить организм ядом. Любые излишества вредны.

– Разумно мыслит твой отрок, Михал Петрович. С ним поговорить не только об учёте казны можно. Что ещё знаешь? Что тебе интересно, кроме счёта?

– Читать люблю. Про природу, про богатства...

Царь хмыкнул.

– Что в земле лежат.

– Клады, что-ли?

– Зачем, клады? Медь, каменья поделочные, железо, золото-серебро. Много там чего спря- тано.

– Много спятано, да добыть сложно, – проворчал царь. – Думаешь везде оно лежит в земле? Хрен там, а не золото! Сколько ищем... Заморских рудознадцев выписал, так никто ещё не нашёл ничего путного. Хоть соли у моря завались. Строгановы молодцы.

- Иноземцы могут врать.
- Как так? – удивился царь. – Я их пообещал озолотить.
- Так им может не это главное... Не твой посул.
- А что?!

Я повыдёргивал жала и опустил рубаху. Царь обернулся ко мне и глянул в глаза.

- Что им важно? – спросил он разделяя слова.

– Пригляд за тем, что на землях твоих твориться, да сговор с ногаями, мордвой и другими людишками, что там проживают. На Уральские горы послал их? На большой камень? Вот с сибирским ханом они и сговоряться.

- Зачем это им? – нахмурился он.

- Мало ли? – пожал плечами я. – Разделяй и властвуй, говорят иезуиты.

Царь переглянулся с дедом.

- Ни хрена себе он глаголет, – покачал головой царь.

- Сам стою и охреневаю, – сказал дед.

Глава 4.

Я подумал, не слишком ли я разбазлался? Хотя... Спросили – ответил, что думаю. Вроде всё правильно. Или я не должен про это знать? Про шпионов английских и голландских. И да... Откуда я это знаю? А если спросят? О! Спросили!

– Ты откуда про доглядчиков, то биш – шпигунов, знаешь? Встречал, где? Тятка твой с ними якшается? – вцепился мне в запястье царь.

– Нигде не видел, – сказал я, тихонько выворачивая свою руку через его большой палец и так освобождаясь от захвата.

Это получилось так легко, что Иван Васильевич с удивлением посмотрел на свай пустой кулак.

– Это как это? – спросил он.

– Что, как?

– Как ты выскользнул?

– Легко.

– Это я понимаю. Как? Покажи.

Я подал руку. Он схватил. Я осторожно провернул, и снова его пальцы сомкнулись в воздухе.

– Вот, бисова дитина, – сказал царь и скривился. – Вот жешь! Что это я всё на шляхетскую мову перехожу?! Негоже русскому царю балакать. Понаехали тут!

– Ещё они могут курганы старые грабить, – сказал я. – Там, в курганах, золота много, бают.

Царь снова переглянулся с Головиным.

– Да, что за отрок такой, здравомыслящий! Хоть записывай тебя в собеседники.

– Молод ещё. О садомии слухи пойдут, – тихо сказал дед.

– И то, верно.

Царь почесал задумчивости бороду.

– Так вместе приходите. Ты же всё одно ко мне заходишь и его бери.

– Государево дело, однако. Молод... Ещё проболтается. Я его плохо знаю.

– Всю семью вырежем, а с него кожу лоскутками срежем.

– Так... – вздрогнул голосом Головин. – Вроде, я его семья.

– Ты же сказал, батька его не отдал.

– Ах, да. Но всё одно, я в ответе буду.

– Будешь, – спокойно согласился Иван Васильевич. – И ответишь. Вот, что у него это, знаешь?

Царь ткнул пальцем в шахматную доску.

– Коробка с пчёлами и липовым цветом.

– Коробка? – царь так усмехнулся кривя рот, что у меня пробежали по телу мурашки. – С чёрными и белыми клетками? Где взял?

Он так вскрикнул, обращаясь ко мне, что я подпрыгнул на месте. И высоко, надо сказать, подпрыгнул.

– Ох, государь, спужал, – сказал я, закатив глаза. – Сам сделал, да не доделал. Счёты это будут.

– Какие-такие «счёты»? – спросил Иван Васильевич.

Он стоял, сурово сведя брови к самой переносице.

– Вот сюда вставляю спицы и надену на них бусины. Туда-сюда перекладывай и считай. Проволоку у кузнеца возьму, бусины выточу и... И всё. Не успел сегодня.

Царь взял коробку, покрутил, понюхал.

- Точно – свежесделанная. Морилкой и деревом пахнет. А клетки зачем белые и тёмные?
- Так красивее. Другого рисунка не придумал.
- Сам делал?
- С плотником. Я бусины точил на станке. Не доделал.
- На точильном станке, значит, можешь работать?

Царь вопросительно посмотрел на Головина. Тот развел руками и пожал плечами. Дескать, ведать не ведаю, откуда, что берётся у этого отрока. Я мысленно усмехнулся, думая, как бы не переборщить с умничанием. А то отправят ещё на исповедоведь со всеми вытекающими из неё последствиями.

– Сегодня научился. Плотник показал. Наука не мудрёная. Дави себе педаль, да точи резцом деталь.

Царь снова посмотрел на Головина.

– Плотник у меня – знатный рукодельник. Такие сундуки ладит, залюбуешься. Бражничают мал-мала, но не запойный.

– Понятно. Молодец, – похвалил он меня. – А про шахматы что-нибудь слышал?

Я отрицательно покрутил головой. Да так сильно покрутил, что у меня выперся вперёд пузырь рубахи с мешочком шашек, которые предательски зашуршали.

– Что это у тебя там? – подозрительно спросил Иван Васильевич, – ткнув меня в живот.

– Гороховая каша, небось...

– Я тебе дам, «гороховая каша». Шуршит у тебя там что?

Он приблизился и потрогал образовавшееся на рубахе «пузо».

– Достань-ка.

Я вздохнул и, снова начиная дрожать коленками, вытащил мешочек с шашками.

– Это недоделанные бусины, что на станке не доделал.

– Дай сюда!

Царь развязал верёвочку и вытащил двумя пальцами из мешочка деревянный кругляш величиной с ноготь большого пальца руки взрослого человека.

– О! Глянь-ка, Михал Петрович! Знаешь, что это?

– Как не знать, великий государь, – сказал и вздохнул Головин. – Даже слово выговорить боязно.

– А ты не бойсь, тут ушей нет.

– Боюсь, государь.

– Ну, так я скажу. Это «шашка». А какое у нас наказание играющим в шашки?

– Так, это... На кол садят.

– Так я не играл! – возопил я, дрожа всем телом и обливаясь потом.

– Ты их сам сделал, а это ещё и худшее.

– Я не знал! простите меня, великий государь.

Я упал на колени, как подрубленный и больно, кстати, ударился. Ударился и заплакал. Слезы брызнули такие крупные, что моментально вымочили мою рубаху.

– О, ты какой! – удивился чему-то царь. – Ему ещё и кола не показали, а он жалиться. А ежели на дыбу? Как ты государеву тайну хранить будешь?

Голос Ивана Васильевича показался мне каким-то слишком мягким и добрым. Я открыл глаза и увидел его улыбающееся лицо. Дед тоже улыбался.

– Что? – спросил я, ничего не понимая. – Какая тайна? Какая дыба?

Царь подошёл ближе и положив ладони на плечи, заглянул мне в глаза.

– Это мы шутовали, отрок. Прости нас грешных, за потеху над дитём. Не отдадим мы тебя попам. Мы и сами в грехе живём... Да Михал Петрович?

– Так и есть, государь, – вздохнул Головин. – Грешен, прости Господи, люблю шахматы. А вот в шашки давно не игрывал.

– Так жёг я бесовскую забаву два раза. В первый – на радость митрополиту Даниилу в году этак пятьдесят втором от сотворения, а второй раз в пятьдесят девятом году на соборе, чтоб им всем пусто было. А шахматы сберёг. Чем бы мы с тобой воевали?

Я стоял, разинув рот. Государь разложил мою доску, проверяя её петельки, высыпал из мешочка шашки и начал расставлять «белые».

– Простил?

– Простил, – буркнул я.

Хотел сказать: «Бог простит», да что-то удержало.

– Ну, расставляй тогда. Играть-то можешь?

Я кивнул и длинным рукавом вытер соплю и слёзы, сильно шмыгая носом.

– Смотри, мозги не всоси, – серьёзно сказал он. – так бывает.

– У меня крепкие мозги.

– О! Вот сейчас и проверим. На щелбаны играем. Идёт?

– Идёт, – снова шмыгнул носом я, но уже несколько аккуратнее.

– Не боязно будет в царский лоб бить? – коварным голосом спросил Иван Васильевич. – Ежели выиграешь, конечно. Давненько не брал я в руки шашек.

Я с удивлением воззрился на него.

– Что? – спросил он. – Что-то не так?

– Ходи, государь.

В шашки я играл не плохо, а вообще никак. Как, впрочем, и в шахматы... Но я этому совсем не удивился. Лег-то мне было сколько? Восемь! Да и видел я шашки в первый раз, кажется...

Короче... Я проиграл Ивану Васильевичу два раза, и он понял, что в шашки я играть совсем не умею. Он так и сказал, потирая ноготь среднего пальца, ушибленный о мой лоб:

– Не-е-е, Михал Петрович, это не соперник. Давай-ка ты, лучше садись.

Головин с удовольствием пересел за моё место на табурет, а я пересел, потирая рукой отбитый лоб, на скамью, стоящую у раскрытого окна. Солнце заходило и отражалось розовым на движущихся в сторону севера облаках. С пересыхающей реки летели комары.

– Может прикрыть окно, государь? Заедят же тебя ночью!

– Закрой-закрой, Федюня. Спаси тебя Бог. Вишь, Петрович, какой заботливый, у тебя внук растёт. О государе заботиться, чтобы кровушку лишнюю не пролил.

– Да, за такое и наградить не зазорно.

– Кстати о «наградить»... Государь, эти шашки я для тебя делал. В дар. И мне самому ничего не надо. Но просил помочь плотника, которому обещал за скорую работу целую копейку. Не даш-ли?

– Копейку? – удивился царь, потирая лоб и замахиваясь на казначея локтем. – Есть у нас копейка в казне, казначей?

– Есть, великий государь. Копейка в казне найдётся.

– Ну, так выдай.

– Так... Казна уже закрыта.

– Ты из своих выдай, я тебе завтра отдам.

Голованов притворно вздохнул.

– Вот так всегда, Федюня, «дай свои, потом отдам»...

Он полез в кошель и, вынув московку, передал её мне.

– И не отдаю, скажешь?! – возмутился государь.

– Отдаёшь, конечно, но ведь я всю ночь мучится буду... А вдруг именно завтра и не отдашь. Очень я всегда переживаю.

– Ростовщик. Нехристь.

– Обижаешь, государь. А то, что в рост даю... Так и церковь твоя не брезгует этим.

Государь вздохнул и двинул шашку.

– Как с этим быть? Ума не приложу. Монастыри зажрались, прости Господи. Запрещают игры для ума, а сами людьми торгуют и в рост дают... В половинный рост. Тьфу! Зевнул! Сдаюсь!

Он снова подставил лоб.

– Правильно попы говорят, что шашки вызывают гнев и вражду. Я уже готов тебя отдать тиуну.

– Вот почему я с тобой, государь, и не люблю играть. Очень уж ты горяч и гневен бываешь, когда проиграешь.

– А ты поддался бы.

– А ты накажешь за это.

Царь рассмеялся и посмотрел на меня.

– Спасибо, тебе Федюнька, что помог сегодня здоровье поправить и день скрасил.

Он поднялся, прислушиваясь к спине, из кресла, подошёл к сундуку и вынул из него приятно звякнувший серебром кожаный мешочек.

– Тут сто копеек. Это тебе за заботу твою. А за шашки тебе завтра казначей столько же выдаст. И на баланс прими, шашки-то.

– Ага... И на баланс поставлю и в подотчёт тебе, государь, выдам, – сказал Головин и рассмеялся.

Рассмеялся и государь.

Вскоре мы ушли и до дома шли молча, только дед иногда поглаживал меня по голове, словно проверяя, на месте ли она. Я после этого поправлял волосы, словно тоже проверяя её наличие. И я, действительно, не до конца верил, что моя голова цела и я не сижу на колу, и даже не четвертован. Только уже прощаясь у моего крыльца дед, снова потрепав меня по волосам, попытался разглядеть мои глаза, и в это время его зрачки отразили луну.

– Берегись, Федюня. Царь совсем не простак и не добряк. Ему кожу с живого человека содрать, что в носе поковыряться. Он своих дружков скольких перевёл! Ой-ой-ой! Держись с ним ровно. Не проси ничего пока не спросит. И отдавай, что у тебя есть. Только так может быть поживёшь подольше. Но трудно с ним. Он сам лаской так укутает, что забываешься, кто перед тобой. За ровню начинаешь считать. Сколько раз сам себя на том ловил. Но берегись пока.

– Я понял, деда. Поберегусь.

– Далеко пойдёшь, Федюня. Уже боярин, вот ведь! Такого я что-то не припомню. Вот пойдёт молва по Московии!

Он довольно рассмеялся.

– Поживи пока у меня, хорошо? Легко мне с тобой. Сердце мягчает.

– Поживу, деда. Спасибо тебе большое.

– Ладно, ступай. И... Возьми завтра с собой мою плёточку маленькую. Боярскую честь сейчас защищать надобно. В разраде, тебе может пригодиться. Там бояр нет, только дьяки, да писари, а то народец мелкий. Ну, ступай, Федюня.

Я поднялся на свой второй этаж и, умывшись и подмывшись в тазу, голяком забрался на перину. Голым без ночной рубахи спать было нельзя, но я решил немного поваляться нагишом. Было душно, если не сказать, жарко. Лето выдалось знойное и сухое, но комары где-то находили места для размножения, поэтому жужжали вокруг словно цикады. И я даже знал, где они откладывали свои личинки – в тухлых колодцах и водовозных бочках.

Я лежал и «прогонял» весь этот день заново: от начала и до конца. Вроде бы потерял он не зря, как говорил кто-то из моих друзей: «День потерян не зря». Кто-то из моих друзей? Нет у меня друзей! Или есть? А может были? Когда? В младенчестве? «День потерян не зря...»

Философично для младенца. Может потому и крестились мамки да няньки, что я загонял такие эффемизмы?

А что такое «эффемизм»? Хрен его знает! Но если я так выругаюсь в обществе, меня точно отправят на исповедь, а поп из меня всю правду и вытрясет. А какую правду? А я её знаю? Может самому сходить исповедоваться. Не-е-е... Чистосердечное признание приближает нас к скамье подсудимых. О, как завернул! И откуда это всё берётся? Из каких глубин разума? Главное – чьего разума? Какого демона?

Но... Не искушает, вроде. Хотя, как сказать. Умения даёт всякие... Но странные какие-то умения. Те умения, что здесь в этом мире никто дать не может. В этом мире? А какой ещё есть? Потусторонний? Ад, что ли? А зачем в аду «бухгалтерия» и учёт казны? Бред. Какая казна у чертей? Учёт? Ха-ха! Смешно! И царь Кашей над золотом чахнет! Ага, чахнет и пересчитывает. И всё русской цифирей. Чтобы никто не разобрался. Так откуда это? Царь-Кашей... Образно... Пушкин, епта! Александр Сергеевич! Родился в одна тысяча семьсот девяносто девятом году. А по теперешнему это? Хрена себе! Это же будущее! Так мне что, информация поступает из будущего? И за что мне такая милость? И от кого, главное?

Я сел на перине, свесил ноги с сундука и впряился в крошечную тьму «светёлки». Названия какие тупые! То ли дело – комната, кабинет. О! Ещё есть слово – лифт! И что это? Ух ты! Мне бы такой. И куда тебе лифт? О-о-о! Туалет! Ха-аха! Ватерклозет, дамы и господа! Хочу ватерклозет и мягкую бумагу для подтирки. Но это вряд ли. Хлопком если только. В казне я хлопок видел, тюками. Целлюлозу перетирать? Да ну её нахрен! И так справимся. Подрасти надо!

Подрасти... А я, значит – маленький? Да, твою мать, маленький! Тебе, если что – восемь лет пока. Восемь или восемьдесят? Если закрыть глаза, так я больше на восемьдесят тяну. Старичок – боровичок... Восемь лет мне! Восемь! А демону, значит, восемьдесят? А есть возраст у демонов? Наверное есть. Но не восемьдесят же лет? Восемьсот может? Ага!

Сабельный бой мой демон не знает, это жаль. Зато пинки разные, да руками крутит ловко. Вон как царя скрутил. А мог бы ещё и руку защемить так, что он бы на коленки бухнулся.

Да и сабелькой он, мой демон, махал когда-то. Для развлечения, но махал. Кое-какие приёмчики знает. Тело развивать надо. Ума у меня на десятерых местных хватит. Местных? А я, значит, не местный?! Странненько... Силёнки маловато. Вроде отжимаюсь, растягиваюсь, приседаю, на скакалке прыгаю, когда никто не видит. Бега не хватает. Но бегать не с кем. Салки запрещены, потому и не бегают никто.

Постепенно я успокоился и уснул. Голым. Проснулся ночью отлить и надел рубаху. Нянька за горшком утром зайдёт и обомлеет от вида моего голого «торчка».

А в восемь лет разве стоит? – подумал я снова пытаюсь заснуть. – Стоит-стоит. Утром у всех мужиков стоит, и у младенцев, и у стариков. О как! Значит демон мой – старик? Зато я молодо-о-й... Хр-хр-хр...

* * *

На следующее утро я пришёл в царские палаты один. Сразу после третьих петухов. Пропустили меня без досмотра и всяких объяснений. Сказал только стражам: «Боярин Фёдор Никитич Захарьин-Юрьев по государеву делу» и всё. Врата открылись. Да. Я решил записываться «Никитичем». Это сейчас не возбранялось. Любой боярин имел право величаться по отчеству, но по-старинке бояре писались двойными фамилиями или отчество превращали в фамилию. Как, например мои дядья назывались Юрьевыми, а двоюродные родичи по имени Якова, писались Яковлевыми.

Это мне подсказывал мой «демон», а как было в действительности, я не знал, но почему-то сильно хотел узнать, и надеялся найти ответ, пролистав старые книги. А пока решил называться с отчеством. Кому надо поправят, думал я. Однако главную проверку моё прозвище выдержало. Меня, как и вчера, записали в книгу и я вошёл в царские палаты.

Царь сидел на своём кресле, насупившись, положив подбородок на кулак левой руки, уперев её локтем в подлокотник. Увидев меня, он указал взглядом на деревянный табурет с кривыми резными ножками, стоящий возле двери. Присев на краешек, я молча стал ждать «аудиенции», как вчера выругался дед.

– Надо же, вчера произошло столько событий, – подумалось мне, – что кажется, что прошёл месяц. Или год.

Мне показалось, что я за одни сутки повзрослел лет на десять. Я сидел такой же серьёзный, как и хозяин палаты.

– Собаки! – произнёс он.

Я промолчал.

– Никому нельзя верить! – задумчиво сказал он.

Глава 5.

Я промолчал.

– Адашева Алексея знаешь? – спросил царь.

Спросил – надо отвечать, понял я.

– Слышал я, что он за твоим, государь, архивом наблюдал. Я хотел туда попасть и почистить документы, потому узнавал, кто там старший.

– Наблюдал, да. А в мае отпросился от службы в архиве и наемни отъехал в Ливонию третьим воеводой.

– Это плохо?

– Третьим, Фёдор, третьим! Ну был он у меня в опале. Наворотил в Ливонии. Рассорился с воеводами... Ну и ладно. Что было, то прошло. Хочешь на войну – ступай, но не третьим же?! Это он для того третьим пошёл, чтобы меня обозлить! Спросил бы... Словно я не смог бы поставить его первым. Это от того, что он не верит мне!

Я молчал.

– Чего молчишь? – Посмотрел он на меня, продолжая хмуриться.

– Слушаю и пытаюсь понять, чём он обидел тебя, государь. Позволь спросить?

– Спрашивай.

– Он хулил тебя при всех?

Царь покрутил головой.

– Лаял в одного?

– Нет. Он просто уехал.

– Ты сказал, что он спросил твоего согласия на отъезд и ты отпустил.

– Он принёс готовый указ о своём назначении и я подписал, – буркнул царь.

– А как надо было сделать правильно?

Иван Васильевич поморщился.

– Он должен был просить меня назначить его первым воеводой по статусу.

– И ты согласился бы?

Царь отвернулся и посмотрел на проплывающие в небе облака.

– Не знаю. Нет, наверное. Зол я был на него.

– Спрошу ещё, государь? Про Адашева? Я только учусь понимать твою службу и...

– Спрашивай, – прервал меня царь и откинулся на подушку, положенную под спину.

– Он же старик?

– Да не особый и старик. Он на двадцать лет меня старше.

– Пятьдесят лет значит.

– Ух, как ты быстро сосчитал! – удивился государь. – А ты знаешь сколько мне лет?

– Ты, государь, родился в третьем летнем месяце семь тысяч тридцать восьмого года, а сейчас середина первого месяца семь тысяч шестьдесят восьмого. Если отнять этот год от того, то получается, что тебе, государь, тридцать лет. Тогда Алексею Адашеву сейчас пятьдесят.

Иван Васильевич смотрел на меня восхищённо.

– Научишь меня так же считать?

– Если скажешь – научу. Это легко, если индийские цифры представлять.

– Как-то звучит некрасиво... Инди-и-и-йские... Были русские цифири, а стали индийские...

– А кто тебе, государь, запретит эту цифирь назвать «русской»? Кто эту Индию видел? Может только персы и османы знакомы с ними?

– Здравомыслишь, Федюня. Покажи мне эту цифирь.

– Писать надо. Мелок у меня есть. Доску бы какую...

– У меня тут парсуны невест завалились... Анна Ягелонка на большой доске написана. Я на обороте на ней мелом тоже чертил. Вон в том сундуке достань.

Я сполз с табурета и, подойдя к сундуку, попытался приподнять крышку, потянув за бронзовую ручку.

– Слабак, – вздохнул царь и сошёл с трона.

Откинув крышку, он взял верхний портрет и протянул его мне. Пока сундук был открыт, я увидел, что на некоторых портретах выколоты глаза или подрисованы усы и бороды. Иван Васильевич заметил мой взгляд.

– Молод был и зол на дядьев Глинских, что мне немок подсовывали, – объяснил он. – Да и страшные они.

Я молча взял переданную мне доску и положил на подоконник обратной стороной вверх.

– Напиши сперва индийской цифирей мой год рождения и Адашева.

– Русской, государь. Русскими цифрами. Это будет вот так.

Я написал: 1530, а ниже 1510.

– Вот эти знаки, похожие на «он» – это ноль. Ставится вместо отсутствующих цифр. В данном случае они стоят на месте единиц.

– А-а-а... Одницы? Копейки?

– Точно. Вот здесь у Адашева спереди стоит одна копейка и тут. Но первая копейка – это тысяча, то есть «аз с крестом».

Объяснял я долго и терпеливо. Минут через тридцать «ученик» сумел повторить мои действия вычитания в столбик.

– Ох, Федька, утомил ты меня. Откуда ты-то про эти цифры прознал? Ладно – дед твой Головин. Тот где только за свою жизнь не был. А ты и за забор-то только выглядывал.

– Так у меня грек-репетитор! Он мне ту цифирь и показывал, но как для примера. Он и арабскую показывал, – сказал я честно. – Он сказал, что давно на Руси сии цифры известны, да не применяет их никто, кроме фряжских купцов. А те скрывают свой счёт от всех. Даже детей учат в специальных школах. Не со всеми. Так грек-репетитор рассказывал. Но сам он такого счёта тоже не знает. Или не хочет знать.

– Ну, а ты как же? Сам придумал, как считать?

– Тут и думать нечего. Просто пересчитал пифагорову таблицу и выучил. А прибавлять и отнимать как, и так понятно.

– Ничего себе! Понятно ему! Мне не понятно! Царю! А ему понятно.

– Извини, государь!

– Значит так! Напишешь «Введение в русскую арифметику», поскольку твой бухгалтерский учёт без неё бесполезен.

– Сегодня и начну. Я же обещал. Да, там делов-то... Прямо от тебя, государь, и пойду в разрядные палаты. Дед сказал, что место для меня готово. Как спина?

– Хорошо, но чувствую, что сидит там ещё боль. Рядом сидит, зараза. Давай-давай! Приступай к лечению! Я специально лёгкий кафтан сегодня надел и одну рубаху.

Иван Васильевич легко снял расстёгнутый кафтан и повесил его на спинку кресла. Потом сам задрал со спины рубаху. Я быстро вколол ему двух пчёл между двумя следующими позвонками, посчитал сорок секунд, вынул жала и одёрнул царю рубаху.

– Всё, государь! Могу быть свободен?

– Ступай, отрок. А после вечерни приходи. В шашки сыграем.

– Ага... Сыграем... Лоб до сих пор болит, – почесал я пальцами вокруг шишки.

– А если прикажу?

– Если прикажешь, то не только приду, а приползу, даже если мёртвый буду. Ты – государь. Твоё слово – закон.

Иван Васильевич посмотрел на меня подозрительно, но я был серьёзен.

– И не побоишься лоб подставить?

Я вздохнул.

– Голову жалко. Ты сказал, что мозг жидкий, раз его можно с соплями высосать, а значит он и стряхнуться может от шелбанов. Я как-то головой о землю ударился, голова потом так сильно и долго болела, что думать не мог.

– Ладно, – рассмеялся, поняв намёк, государь. – Побережём твою голову. А то, ежели она перестанет думать, то её только отрубить и придётся. Себе её возьму. На полку поставлю и вспоминать буду про Федьку-Пифагора.

Он подал плечи вперёд и насупил брови, а руки протянул ко мне.

– Зачем пужаешь, государь? – я реально чуть не обмочился от страха, такой зловещий у него был тон и поза.

– Ха-ха-ха, – рассмеялся он довольный, что удалось создать образ, от которого может обоссаться восьмилетний пацан. – Испужался?

– Та ещё сука! – подумалось мне. – Артист, мля, больших и малых театров!

– Чуть не обделался, – признался я и подумал. – «Сниться мне в кошмарах будешь».

Царь отстранился и поморщился.

– Извини. Люблю я фряжский театр. А наши церковники запрещают его. Они всё мне запрещают! Всё! – вдруг он вскрикнул так, что я вздрогнул и всё-таки немного письнул в портки.

– У-у-у! – подумал я. – Как тут всё запущено! А ты говоришь, подойди и попроси, когда у тебя в опале.

– Так ты бы сделал театр втихаря. Вон, грека моего позови. Он читал мне Софокла и Гомера. Меня заставлял за ним повторять.

Я встал в «актёрскую позу» и, нагоняя жути трагическим голосом стал читать почти в рифму:

– Быстро в пещеру вошли мы,

– Но в ней не застали циклопа.

– Жирных коз и овец он

– пас на лугу недалеко.

– Или ещё... «Он же, как лев истребитель, на юниц рогатых нашедший, Коих по влажному лугу при блате обширном пасутся тысячи; пастырь при них; но юный, еще не умеет с зверем сразиться, дабы щитить круторогую краву».

Царь скривился.

– Гомер, Иллиада. Показывали греки. Это всё не то. Фрязи по-другому показывают. Эх, видел бы ты, как они меняют облик... Только что был любовником, а вдруг стал демоном, или тем же пастухом. И ведь веришь ему, что он демон. В жизни – простой фряг5, а облик меняет, как платье. Платье поменял, горб на спину нацепил, и вот его уже и не узнать.

– Очень удобно для шпигуна, – хмыкнул я. – Может они так и ходят по дорогам Руси? С горбами и в рубище.

Царь, сменив воодушевление на удивление, глянул на меня.

– Что? – спросил я. – Ты сам сказал, что никому нельзя верить, даже близким. Могут предать. А фряги нам совсем не близкие, да и англичане... Все хотят друг на друге нажиться, как ростовщики, заманивая низкими процентными ставками. Вон, в манеже, только и слышны их голоса: «Возьмите ссуду! Возьмите ссуду! Прямо сейчас деньги! Возврат через год!»

Я так артистично показал старого сгорбленного жида, и так удачно спародировал его надтреснутый, когда-то услышанный мной голос, что Иван Васильевич похлопал в ладоши.

– Да, ты тоже хороший актёр! – сказал он удивлённо покачав головой.

– Почти все люди – актёры. Все притворяются. Особенно, когда хотят обмануть или когда бояться. Так что, ежели захочешь создать театр, бери любого крестьянина или крестьянку и они тебе сыграют лучше всяких фрязей.

Царь удивлённо смотрел на меня.

– Откуда ты всё это знаешь? Тебе же... Э-э-э... Восемь лет.

– А разве это не возраст? Через четыре года я могу с отцом на войну ехать. И поеду! Вот, окрепну, научусь сабельному бою и поеду. Ляхов ещё не всех разобьёшь, государь?

– Ляхов?! – он рассмеялся. – Ляхов на все века хватит! Ладно, ступай уже. Когда твою «Арифметику» ждуть, Пифагор?

Я «задумался».

– Дней через пять.

Царь удивился.

– Что так долго? Ты же сказал, раз плюнуть.

– Не говорил я так, государь. Плеваться грешно. А долго, потому, что интересно мне в старые книги заглянуть. Особенно хочется найти историю своего рода Кошкиных.

– Понятно, – ухмыльнулся государь. – Ступай. Да не забудь сегодня из казны плату за доску забрать.

– Да, кто же такое забудет? – буркнул я и царь снова рассмеялся.

– Легко с тобой! Заходи вечером! Как раз с посольством управлюсь.

Я поклонился и вышел.

– Фига, себе: «легко с тобой, заходи», – подумал я, трогая обмоченные портки. – Театрал, хренов!

Идти в разрядные палаты в мокрых штанах не хотелось, ибо характерное по форме пятно ничем иным, кроме «ссанок» быть не могло. Засмеют, же... И тогда мне там не работать. Так думал я, быстро двигаясь в сторону дедова дома через Красную площадь и мимо строительных лесов «семиглавого храма», пока не увидел интересную процессию.

По Варварке ехал поезд из множества возков. Передовые приставы, сопровождавшие посольство, а это было именно оно, уже доехали до собора, а хвост ещё оставался где-то у манежной площади. Часть поезда, кстати, оторвалась от головы и втягивалась во двор английской купеческой компании, что находился между нашим и дедовым подворьем.

– Понятно, – сам себе сказал я. – Англичане пожаловали.

Я это знал, так как видел приезд посольства многократно за свою короткую жизнь, что бывают малые посольства и большие. Малые заканчивались примерно через месяц, большие же задерживались на года два. На более долгое время задержаться нервов у британцев видимо не хватало. Все попытки пообщаться с кем-нибудь из местных, заканчивались, для тех с кем заговаривали британцы, дознанием на дыбе. Поэтому и сейчас от посольского поезда москвичи и гости столицы разбегались врассыпную.

– Вот же! Теперь до усадьбы отца не прогуляешься через огороды, – подумал я и сплюнул, хотя обычно такой привычки не имел.

Наплевав на осторожность, я побежал мимо верховых приставов и санных повозок, намереваясь проскочить до своих ворот, как вдруг споткнулся, задев оторвавшейся со стороны носка подошвой о камень брусчатки, чуть не упал, и услышал из тормознувшей кареты тихий шопот: «Малщик, передай деду записку».

Что-то упало прямо передо мной на дорогу и я машинально это что-то схватил, до того, как в мою сторону обернулся конный пристав.

– Ты что возле поезда трёшься, малец?

– Я домой бегу. Вон усадьба Головиных.

– Казначей? – удивился пристав. – Ну беги скорее, малец. Только осторожнее... Под копыта аргамаков не попади.

И действительно проскочить к воротам получилось с трудом. Я несколько раз едва не наткнулся на шарахающихся от меня коней и свистнувших пару раз мимо нагаек. Только крик сзади: «Пропустить!» уберёт меня от гибели.

– И чего я рванулся к дому? – подумал я. – Ну, постоял бы немного. Поглазел.

Добежав до своих ворот, я остановился, прижавшись к ним спиной и тяжело дыша. Поезд посольства так и проползал мимо. Забыв, что у меня в руке, я, забыв о встрече с таинственной каретой, и грешным делом подумав, что это какая-то грязь, разжал ладонь. На сухую, утоптанную и укатанную возками землю, выпал серого цвета тряпичный, аккуратно замотанный такой же серой нитью, комок.

Я уставился на него, как на гранату, постепенно понимая, что это и есть граната. И граната с вырванной «чекой». Подумать о том, что такое «чека» я не мог, потому, что думал совсем о другом. О том, не видел ли кто, что у меня выпал этот опасный кулёк?

Осмотревшись и не увидев на улице никого, я запинал тряпичный комок под калитку, зная, что там точно никого нет, нажал на рычаг, поднимающий засов и проскользнул во двор. Закрыв за собой калитку, я обернулся и увидел, что тряпичный комок обнюхивает дворовый пёс Гром с которым у нас были не очень приятельские отношения.

Гром одним глазом смотрел на меня, а другим косил на кулёк. Он обнюхал его и, фыркнув, брезгливо отвёл морду, повернув её ко мне. Постояв немного и посмотрев друг на друга – пёс не рискнул меня цапнуть, потому, что не раз за это уже был бит дедом – разошлись в разные стороны. Я сделал вид, что направился к своему крыльцу, а пёс, глядя на это, вильнув хвостом, побрёл вдоль забора к своей конуре, вырубленной из горбылейбогромной колоды.

Словно что-то забыв, я медленно вернулся к калитке и подобрал маленький пакет. Я понимал, что он опасен для любого, кто к нему прикоснётся, но оставить его возле калитки я не мог. Поэтому, засунув кулёк за пазуху, я побежал переодевать портки. Управившись с этим делом, я снова поспешил в Кремль.

Интересно, что стражники, на мой пароль: «Боярин Фёдор Никитович Захарьин» реагировали одинаково – просто распахивали двери или убирали в сторону бердыши.

Перед дверьми разрядных палат стояли двое стражников в длиннополых синих кафтанах, из под которых торчали носки сапог. На головах у них были надеты высокие шапки из шерстяного сукна чёрного цвета. Из-под шапок по лицу и ушам ручьями тёк пот. Жара в этот день стояла невероятная.

В палаты меня пропустили и я сразу попал в руки дьяка в буквальном смысле. Меня, услышав мой «пароль», тут же на входе больно схватил костлявыми пальцами за правое плечо некий мужик в зелёном кафтане. Схватил, и стал трясти, как грушу.

– Ты где ходишь, отрок? – орал он. – Твою работу никто делать не будет, а сама она не сложится.

Слегка опешив от неожиданности, я в психическом плане «просел». Выбил он, собака, меня из психического равновесия. Но это длилось недолго. Ткнув его тупым концом маленькой плётки в подмышечную впадину так, что он ойкнул и отнял от меня руку, я пнул его правой ногой, обутой в совершенно новый, не разношенный сапог, под левое колено.

Дьяк взвыл и, отпрыгнув на правой ноге, пытался огреть меня длинной палкой, что держал в правой руке. Отбив палку древком плётки я обратным махом приложил его тем же самым по лицу, сильно раскроив ему харю от. С правой брови и носа потеряла кровь. Нос, между прочим, смотрел несколько левее, чем ему было положено.

– А-а-а! – заорал он. – Караул!

«Караул» в оба лица заглянул во всё ещё открытую дверь. Дьяк, наверное, специально стоял у двери и «пас» меня, потому что накинулся на меня слишком рьяно. Оба лица удивлённо раскрыли рты.

Глава 6.

– Ты пошто на боярина руку поднял, смерд! – почему-то сказал я грозным тоном, от которого и у меня в жилах застыла кровь. Потом как рявкну, произнося каждое слово отдельно: – В казематах сгною, собака!

И тут я заметил, что из-под дьячьего кафтана стала расплзаться лужа. Он взвизгнул и упал на колени.

– Не знал, не знал, Фёдор Никитич! – заголосил он. – Не вели казнить! Прости, батюшка!

– С дуба рухнул? Какой я тебе батюшка?!

Последние слова дьяка рассмешили меня и я, едва сдерживаясь, чтобы не рассмеяться, только и смог выдавить:

– Пошёл вон! Иди портки поменяй, зассанец!

Дьяк на карачках выскочил в двери и двери осторожно закрылись. Я осмотрелся. Писари тут же опустили глаза, отвернулись и... «Спрятались за работу», короче.

– Где моё место? – спросил я ближайшего писаря, стоявшего ко мне спиной. Они все стояли спиной к двери.

Он показал на пюпитр, стоявший в тёмном дальнем углу слева, заваленный свитками. Все остальные восемь писчих рабочих мест располагались напротив окон. В ближнем от двери правом углу, напротив гораздо большего, чем остальные, окна, стоял настоящий большой письменный стол, оббитый серым сукном, а за столом стоял стул с высокой спинкой с мягкой, судя по всему, кожаной спинкой. На столе лежали небольшой горкой книги и какие-то исписанные листы: то ли пергаментные, то ли бумажные, стояла чернильница, глиняный кувшин с перьями, два кувшина с водой и разных размеров кисти.

– Это его стол? – спросил я, ткнув кнутовищем в спину писаря.

Писарь, не оборачиваясь, утвердительно кивнул.

– Ну и ладненько. Вас беспокоить я не буду, сяду здесь.

– Нельзя сидеть, – вдруг сказал мой, до того молчавший, «собеседник».

– Кто сказал? – спросил я, усаживаясь на стул и пробуя его на мягкость и удобность.

На «мягком» стуле, добавляя ему мягкости, лежала и серая суконная подушечка, набитая, вероятно, овечьей шерстью.

– Он, – писарь показал обратным кончиком пера на дверь.

– Ну и Бог с ним! Как порты поменяет и вернётся, разберёмся, кто будет сидеть, а кто стоять.

За пюпитрами прыснули от смеха.

– Что за смех?! – стукнул я кнутовищем по столу. – Ну-ка всем продолжить работу!

Спины сгорбились. Перья зашуршали. Я уставился на лежащие передо мной фолианты и раскрытую книгу, лежащую на специальном настольном пюпитре. Написанное скорописью отличавшейся от обычного письма завитушками, округлостью букв и росчерками, было для глаза непривычно и читалось с трудом, но я прочитал.

«Приговор государев перед казанским походом о воеводех. В лета семь тысяч шестидесятого идучи под Казань, приговорил государь царь и великий князь Иван Васильевич всеа Руси з братьею своею со князем Юрьем Васильевичем да со князем Володимером Ондреевичем удельным и с митрополитом Макарьем, и со всем освященным собором, и бояры быти бояром и воеводам на своей государеве службе без мест.

А говорил государь бояром и воеводам, и князем, и всем дворяном, и детем боярским: идет он, государь, на свои государево и земское дело в Казани, и бояре б и воеводы, и князи, и дворяне, и дети боярские, и все служилые люди были в соединение; и их бы розню ево государьскому и земскому делу порухи не было.

А лучитца для какова дела ково с кем послать, а хоти будет кому с кем и непригоже быть для своего отечества, и бояре б и воеводы для его государева и земского дела все были без мест.

А кому в отечестве до ково будет дело, а как служба минетца, а хто ково побьет челом и государь пожалует, тогда велит в отечестве дати счет. Так же и князи, и дворяне, и дети боярские з бояры и с воеводы в полках все были в послушанье.

А кому ис полков лучитца послану быть для какова дела, а вперед которые будут в боярех сами или в воеводах, и им вперед тем порухи не будет, считаютца вперед по своему отечеству.

И посылает государь бояр и воевод, розсужая их, прибирает, хто дородитца и может ратной обычей содержать. Воеводам быть в полках: большой полк больши правой руки; а правая рука болши передовова и сторожевого полку; а передовой с сторожевым равны; а в большом полку другому до передового и до сторожевого болших воевод дела нет; а левая рука меньши передового и сторожевого.»

– О, как! – подумал я. – Вон откуда ещё распри княжеско-боярские идут. Что аж указ особый царём издавался. Это в тысяча пятьдесят втором году писали, когда они Казань брали и взяли. На пятый раз. Может и взяли потому, что указ особый помог не ссориться, а сразу поставил всех по ранжиру.

Я полистал книгу...

О кормлениях, о смотреии государском...

Взгляд зацепился за знакомое имя: Адашев...

«... Стряпчие с ключем Алексей Адашев, Игнатей Вешняков. Печатник и дьяк Никита Фуников. Дьяки Иван Цыплетев, Иван Выротков, Иван Михайлов, Данило Вылузга».

– Это в том же году... Ага... И оно мне зачем? – подумал я и заметил, что мелькнули «арабские» цифры «62», а перед ними буква «Рцы». «Р» по-нашему, а значит – цифра «сто».

– Интересно, все цифры писаны либо «арабской» цифирей, либо словами, а тут смесь. Это значит уже тысяча пятьсот пятьдесят четвёртый, – пересчитал я.

«... в октябре выбежали из Нагаю полоняники Карп Горлов с товарищи, а в роспросе сказали, что нагайские мурзы Измаил да Ахтарта со многими людьми перелезли Волгу, а дожидатца им Исуп мурзы, а, сождався, быти им на государевы украины.

И по тем вестям приговорил государь итти на Коломну самому ему, государю, а с ним брату ево князю Володимеру Ондреевичю.

А бояром и воеводам указал государь быти по полком:

В болшом полку бояре князь Иван Федорович Мстисловский да князь Василей Семенович Серебреной.

В правой руке боярин князь Иван Иванович Пронской да князь Дмитрий Иванович Хилков.

В передовом полку князь Юрьи Иванович Пронской да Никита Васильевич Шереметев...»

– Видишь, оно как?

Я полистал книгу и дальше встретил перемешанные арабские с русскими «цифири»: «Р» и «63», «Р» и «64».

– Познавательнo, – подумалось мне. – И что? Мне-то чего здесь надо?

Я спрашивал даже не себя, а того, кто во мне. Демон или ангел? Бог его знает, кто «у мене в нутре»? Неонка? Что такое «неонка»? Лампочка. Что такое лампочка? О, мля! Хочу такую. Вполне себе можно из хлопкового волокна скрутить жгут и обуглить его без кислорода. Потом сделать вакуумную колбу и подвести электричество. Ага... Надо делать генератор. Как? Как электромотор. Медный провод, обмотки... Это писец, как муторно. Нахрен надо? Можно и под керасиновыми лампами книги читать. Или писать? О! Я не хочу читать! Я хочу писать! Сказки! Хочу писать сказки! У Лукоморья дуб зелёный... Не-е-е... Пушкина не тронь, паршивец. Своё давай придумывай. Не укради! Ага... Всё украдено до нас! Что тут придумаешь

из сказок? Почему из сказок? Про путешествия в чужие земли. В Индию, например. Не смогу написать? Да легко. Вперемешку с арабскими взрослыми сказками типа «Тысяча и одна ночь». Да напечатать.

О! Печатный двор поставить! Свой личный! Иван Фёдоров всё равно в Литву убежит, сука. Да с нормальными русскими буквами... Детские книжки печатать. За арабские сказки, конечно, запросто на кол посадят. Правила у нас строгие теперича. Женщины со своей половины не выходят и по дворцу не шатаются, а по двору царь не ходит. По улицам только простолюдинки ногами перемещаются. Приличные «барышни» на повозках катаются. А ежели ходят, то только с охраной из мужиков человек в двадцать.

Царь тут вообще-то по-настоящему помазанник Божий. И скипетр у него какой-то чуть ли не волшебный. И об этом все говорят. На каждом углу. И даже на манеже. Хотя, за упоминание государя вслух, может быть запросто «сикирбашка». Ежели приставы услышат или донесут. А потому десять заповедей соблюдаются жёстко и безусловно и всенародно. Все посты, молебна и крёстные ходы. Очень серьёзно всё.

Так я сидел и думал, перестав перелистывать книгу, пока не понял, что уснул. Когда мой «демон» услышал как писари переговариваются шёпотом, он открыл мой рот и сказал: «Ну-ка отставить разговоры! Работать всем!» Кто-то пискнул и всё смолкло. «Демон» ещё несколько раз прерывал шепотки, пока я не открыл глаза на более сильный звук, означавший открывание дверей.

В палаты, испуганно взирая на меня, вошёл давешний дьяк. Он упал на колени и на карачках пополз ко мне.

– Не вели казнить, Фёдор Никитич. Бес попутал.

Посмотрев на него, чуть свернув в его сторону голову и скосив левый глаз, я с «каменным лицом» молча показал пальцем на кафедру в тёмном углу. Дьяк кивнул и протянул руку к моим книгам.

– Заберу?

Я кивнул. Он подошёл, опасливо забрал книгу, с которой работал до моего прихода и перенёс её на кафедру, стоящую в тёмном углу и вернулся за принадлежностями.

– Ты почто книги моешь, стервец? – спросил я, не повышая голоса, когда он потянулся за перьями и кистями.

– Какие-такие книги? – прошептал он, зыря на меня правым глазом из под повязки.

– Да вот ту книгу, что ты унёс. Там некоторые прозвища смыты. Потом подпишешь другие?

– Не делаю я так! – тихо прошипел дьяк. – Не правда это.

– А вот царь на дыбу тебя и тех, кого ты вписал отправит, и всё узнает.

Я вылез из-за стола и открыл дверь.

– Государево дело!

– Говори, боярыч.

– Ты путаешь, стрелец! Я не сын боярина. Я сам боярин.

– Извиняй, Фёдор Никитич. Говори дело!

– Этого на правёж к государеву казначею Михаилу Петровичу и книгу, что у него лежит, захвати.

– Слушаюсь!

Мордатый стражник отдал свой бердыш напарнику, строевым шагом протопал от двери до дьяка и ловко одной рукой выдернул его из-за пюпитра. Другой рукой он прихватил книгу, весившую килограмм двадцать, и, не обращая внимание на тяжесть в обеих руках, побрёл к дверям. Лицо его расплывалось от удовольствия. Стражник, вероятно, был рад любому шевелению воздуха вокруг него.

Дьяк словно замёрз или испустил дух, болтаясь в руке стражника словно тряпичная кукла.

– Ты иди, я следом буду! – крикнул я стражнику и обернулся к писарчукам.

– Кто из вас знал про то, что дьяк правил книги? – спросил я.

Все опустили головы.

– Та-а-к! Всё понятно!

Я развел руками.

– Ты и ты, – я ткнул пальцем во второго и в третьего работника пера, – следуйте за мной.

Если будете правильно себя вести, обойдёмся без дыбы. Пошли вслед за стражником.

Они медленно вышли из-за пюпитра и медленно побрели мимо меня к выходу.

– Пошли! – резко выкрикнул я, и наподдал последнему и самому высокому под зад, попав носком сапога куда-то в левую ягодицу.

Получилось поднять ногу классическим боковым круговым довольно высоко и это получилось очень неожиданно для писарчука. Он взвизгнул и, подпрыгнув, сразу догнал первого.

– Всем остальным – работать.

Я прошёлся вдоль пюпитров, заглядывая в листы, словно запоминая.

– Приду, проверю, – сказал я и стукнул по левой ладони сложенной нагайкой.

* * *

– Вот тут и тут, – показал я на замытые места в книге. А вот тут уже вписаны другие имена.

Дед внимательно посмотрел на указанные места в книге, а потом, подняв глаза, на дьяка прошипел:

– Что же ты творишь, пёс! Ты кого вперёд пишешь?

– Михал Петрович! Прости Христа ради. Бес попутал.

– Я тебе сейчас прошу, шелудивое отродье!

Дед выхватил из моих рук нагайку и перетянул ею дьяка от правого плеча по груди так, что на плече лопнул кафтан. Дьяк, как подрубленный, рухнул на пол и обмер. Я с уважением посмотрел на деда.

– Мне до такого удара ещё ох, как далеко, – подумал я.

– В нашу пыточную его, – сказал дед стражнику. – Кату скажи, чтобы не трогал. Пусть закуёт только. Сам приду спрашиваю. И это... Не кормите его. Воду давать чуть-чуть.

– Там у ката кто-то был с утра.

– Ах, да! Ну ништо. Пусть привыкнет. Ступай!

Дьяка утащили, мы остались вдвоём.

– Ну, ты угодил, Федюня! – проговорил дед. – Не мог я его, паразита, «за руку схватить». Знал, что правит, а не мог. А ты пришёл, увидел и схватил.

– Случайно получилось, деда. Я чуть задержался после царя... Домой пришлось сбегать. А он пристал, вот я его и плёткой, а он убежал. Я за его стол сел и нашёл...

– Зачем? – удивился дед.

– Что зачем?

– Зачем домой бегал?

Я засмутился.

– Говори-говори. Каверза какая случилась?

Я поморщился, а потом, мысленно махнув рукой, сознался.

– Уссался я деда, – Государь лицо изобразил злодея, да руки ко мне скюченные протянул, да так похоже, что не выдержал я, и того. Прыснул немного, но неприятно ходить в мокрых портках. Вот и побежал домой. Да сапог по дороге порвался, да чуть под аргамака не попал.

– Какого аргамака? Кто это у нас по Москве на аргамаках ездит?

– Да, приставы, что посольство английское сопровождали.

И тут я вспомнил про пакет, скинутый мне из посольского возка. Вспомнил, что он остался лежать на моей кровати. Я похолодел. Видимо дед что-то увидел в моём лице и забеспокоился.

– Что случилось, Федюня?

– Па-па... Пакет там. На кровати.

– Как-кой пакет? – забеспокоился дед.

– Из крытого возка кто-то бросил маленький пакет, замотанный ниткой и сказал: «передай деду записку».

С дедова лица стекла вся кровь, и оно стало не белым, а зелёным. Потом вдруг кровь хлынула обратно, и лицо налилось бордовым. Головин молча развернулся и не обращая внимания на меня, почти выбежал из своего «кабинета». Я побежал вслед за ним, понимая, что произошло что-то такое ужасное, что ужаснее только пытка. Я заплакал и побежал вслед за дедом и бежал за дедом всю дорогу тихо подвывая.

Кремлёвские стражники провожали нас понимающими взглядами. Ну как же, малец чем-то провинился перед дедом, вот и бежит за ним весь в слезах, вымаливая прощение. И это была правда. Я чувствовал, что не просто виноват перед дедом, а назревает настоящая катастрофа. Причём во всех случаях. И если мы записку найдём, и если мы записку не найдём, ибо «тайна сия велика есть⁷». Вернее – была, а я её раскрыл. Дед, похоже, находится на связи с британским резидентом. Но почему, млять, надо было записку передавать через меня! Что за нах... Играете в свои шпионские игры и играйте, нечего втравливать маленьких.

Я даже подумал, а не рвануть ли мне по бездорожью? Ведь тот же дедушка может придушить меня, как кутёнка. Придушит, и даже не поморщится. Я же вроде бы негативно про шпионов высказывался? Вот... Значит донесу царю-батюшке. Но эта мысль, вероятно, пришла одновременно в головы нам обоим, потому, что дед вдруг резко остановился, я стукнулся о его спину, а он сразу схватил меня своей левой рукой за мою правую руку. Да так больно схватил, зараза, что я едва не закричал. Схватил больно и крепко.

Дед даже не обернулся, а продолжил почти бежать в сторону нашего дома и тянуть меня за собой, не особо беспокоясь за мои заплетающиеся «новыми сапогами купленными на вырост» ноги. Ноги заплетались и друг о дружку, и о булыжную мостовую. Я почти волочился за нёсшимся вперёд дедом. На Варварке на нас стали удивленно оглядываться и показывать пальцами. Дед не замечал ничего. И я его понимал.

Калитку мы проскочили, будто её и не было вовсе. Потом влетели по пока ещё «моей» лестнице и ворвались в «мою» комнату. Пакета на постели не было.

– Где он? – грозно спросил дед.

– Не знаю, – сказал я и заметался по комнате, одновременно думая, как бы умудриться сигануть в окно.

Глава 7.

Пакет лежал на полу сбоку от правого сундука у стены. Дед, к тому времени, как мы его нашли, снова держал меня за руку. Он показал на пакет пальцем.

– Этот? – спросил дед.

– Да, – сказал я.

– Возьми его.

Я нагнулся и, взяв пакет, поднял. Дед, не выпуская мою руку из своей, вытащил из ножен кинжал. Увидев здоровенную и острую железяку, я подумал: «Почти такой же, как в фильме «Иван Васильевич». Подумал, весь мир перед глазами вдруг сузился и я потерял сознание.

* * *

– Федька! Федька! – услышал я. – Очнись.

Кто-то потихоньку похлопывал меня по щекам. Я глубоко вздохнул и с трудом открыл глаза. Яркий свет резанул по ним словно острым кинжалом и я их сразу закрыл. Голова болела, словно в ней стучали пять кузнецов.

– Живой! – радостно сказал дед. – А я уж думал. Как об пол грохнешься! Да прямо головой! Аж звон вокруг пошёл! Как ты?

– Голова болит и звенит в ней. Глаза свет не хотят видеть.

– Свет не хотят видеть? Ты это чего? Ты брось!

– Болят от солнца, сказал я.

– А-а-а... У меня тоже такое было. С разбойниками на реке-Дону столкнулись, когда с товаром из Кафы шли, и мне по кумполу прилетела палица. Шелом голову спас, а мозги стряхнулись. Долго голова болела и кружилась. Отлежишься, ништо.

– А пакет? – вспомнил я.

– Что, пакет? – словно и не бежали мы одержимые через Красную площадь.

– Ничего, что он от англичан? Заборонено ведь с ними якшаться. Иван Васильевич заругает ведь, коли узнает?

– А как он узнает, Федюня? Ты же никому своего деда кровного не выдашь? А мне в сих тайных делах помощник нужен. Дело я против врагов государевых веду, что при царе пригрелись. А тот, кто записку бросил, тот доглядчик мой в посольстве англицком. И даже государю нашему не скажешь пока, ибо ежели прознают, то убегут в Литву сразу. А потому, пока тайна сия великая есть даже для государя. Удержишь?

– Да, что такое у нас с ним сегодня? – подумал я. – Мысли сходятся один в один.

– Удержу, деда! Не сомневайся!

– Ну и ладно!

– А кинжал ты зачем достал. Испугался я.

– Дурилка... – Он тронул меня за руку и погладил. – А бечву, как срезать, чтобы распутать. Прочитать надо было срочно, ежели так записка пришла. То великая удача, что ты повстречался моему другу.

– Он, что знает меня? Откуда ежели он приезжий? – удивился я.

– Давно он тут живёт ещё в том посольстве был. Вот в том годе он тебя и видел. А нам помощник нужен, чтобы записки носить.

– Понятно, – сказал я, а сам, действительно, понял, что деду нужен был связной и почему-то своих прямых родичей задействовать в этом деле он не хотел. Таких по возрасту, а то и постарше в соседних трёх дворах было изрядно. Привлекай любого.

– Ребяшня моих сынов какая-то взбалмошная... В голове ветер в жопе дым... Не разумные они. А ты сызмальства разумом выделялся, вот я тебя и приглядел.

Я в очередной раз удивился. Во-первых, тому, что у нас снова сошлись мысли, а во-вторых, что, оказывается, дед сам присматривался ко мне уже не первый год, и давно приметил мою разумность.

– Ты, Федюня, пойми, что ни какой царь-государь, не станет о тебе заботиться, как родичь.

– Да, деда, я понимаю. Тятя тоже так говорит. Но ведь он... Вернее, его жена... Ну, ты понимаешь... Мачеха за своих детей радеет, ты за своих внуков. А мне то что с этого дела? С вашего дела... Ну, буду я бегать по Москве, разносить и собирать ваши записки, а мне что с этого?

Я говорил всё это с закрытыми глазами, и вдруг раскрыл их. Раскрыл и наткнулся на взгляд «деда», который мне очень не понравился.

– Всяк труд награждаться должен, – сказал он. – По копейке за записку.

Я потрогал шишку над ухом.

– Вот, что я пока заработал за то, что не дал приставам эту записку схватить. И давай представим, что бы было, если бы приставы эту записку взяли?

– Ничего бы не было, записка написана тайнописью.

Я посмотрел на деда и чуть улыбнулся.

– Читаются и тайнописи... Я не знаю, какую выгоду ты, деда, имеешь, но явно не копеечную. Рисковать сдохнуть на дыбе за одну копейку? Это так глупо, что глупее не бывает.

– Мудрёно говоришь, Федюня. Не пойму я тебя, что-то. Тебе мало копеечки? Это же большая денга получается. Мы порой и три три четыре записки в день пишем. Встретаться-то нельзя.

– Ну и что мне эти три-четыре копейки в день? Хоромы не отстроить, слуг не содержать...

– Ты уже о хоромах и о слугах грезишь? Ну, ты молодец! Ты забыл об окладе боярском в казенных палатах, что тебе накинул государь? Двадцать рублёв. То большая сумма.

– Но, вы же не каждый день переписываетесь?

– Не каждый, конечно.

– За год сколько раз?

– Так, кто считал-то?

– Ну, пусть будет сто раз. Это сто копеек, а значит – рубль. За двадцать рублей я делаю, то, что для меня интересно и безопасно, если узнает государь, а за один рубль я рискую головой.

– Так, не всегда же рискуешь!

– Как это не всегда? Я уже сейчас рисковать буду ежедневно, даже если никакой записки больше не принесу.

– Отчего?

– Да, от того, что уже помаран с вами! Царь-батюшка не станет разбирать, кто и почему с англичанами якшается. Это как в говно вступить. Вроде и оттёрся, а всё равно воняет. Тут если по копейке платить, то, хотя бы за каждый день. Вот в году триста шестьдесят пять дней, так за год и плати – три рубля с полтиной и ещё пятнадцать копеек. И лучше наперёд. А то, Бог знает, что будет завтра? Куда свинтит твой английский посол? Свинтит и денег не заплатит.

– Разумно мыслишь, – согласился, вздохнув Головин, – но почему сразу в говно?

– Вот, если он сейчас про это прознает, как думаешь, сможешь ты отбрехаться? Ведь он сразу про крамолу подумает и на дыбу потянет спрашивать: «а почему, собственно?».

– Разумно, – снова повторил Головин, почёсывая бороду.

– Ну, а если разумно, то так и скажи, своему англичанину, что за организацию передачи тайных сообщений, я требую четыре рубля в год. И деньги прошу выдать вперёд. А хочешь, я сам ему скажу?

Дед, уважительно, посмотрел на меня и, хмыкнув, проговорил:

– Дженкинсон сразу сказал, что из тебя будет толк.

– Дженкинсон? – удивился я, понимая, что это имя мне, вроде как, знакомо. – Это этот британец?

– Почему ты сказал британец? Все их здесь зовут «англичане». Где ты слышал это слово?

– Не помню, – соврал я. – В манеже, наверное. Там им вечно перемалывают кости. За их товар беспошлинный. У них же морды бритые, вот и зовут их так.

Я знал, где слышал это слово. У себя в голове. Демон его повторял на разный манер: «Бриты, британцы, англосаксы, англы», и тоже с негативным подтекстом. А почему, не ведал. Однако подумал, что надо будет сегодня ночью покопаться у себя в голове, и разведать про этих бритов побольше. На сон грядущий это получается значительно легче.

– Да, деда! Царь мне за шашки обещал выкуп. Сказал у тебя забрать.

Головин стукнул себя полбу ладонью.

– Там лежат. А ты где хранишь деньги? Сумма ведь большая.

– Да вон они... В сундуке под крышкой лежат. А что?

– Ну, раз там, пусть лежат.

– А почему мне, боярину земля не причитается? – вспомнил я о том, что мне и одумалось ещё вчера, но спросить побоялся.

– Почему не причитается? Причитается. Но нет пока лишней. Расписана вся пахотная земля с весями⁸да людишками.

– Да я бы и без людишек земельку бы взял. Пустошь бы какую... Или леса...

– Зачем? – удивился дед. – Взяв землю, должен будешь содержать и выставлять в поход дружину, платить в казну. А людей у тебя нет. Тем, что государь не наделил тебя землёй, он оказал тебе великую честь. Ты сейчас «боярин и казенный стряпчий⁹». Это высокая должность. Выше простого окольного, как твой тятка. Была такая должность с времён деда царского Ивана, но некому было её дать. Не было достойных. Ты, конечно с двенадцати лет будешь обязан участвовать в военных делах, но лишь как, ближний царю боярин.

– До того дня ещё дожить надо, – вздохнул я. – Это тысяча пятьсот шестьдесят четвёртый будет... Тяжкий год...

– Какой это тысяча пятьсот шестьдесят четвёртый? Почему тысяча пятьсот шестьдесят четвёртый? Ты каким летосчислением пользуешься? Латинянским, что-ли? От Христова Рождества? Вот будет тебе, ежели попы узнают!

– Меня всегда заботило, почему мы в Христа верим, а не считаем от его рождения? А латиняне и греки считают.

– Да потому что нехристи они. Не завещал Христос мир считать от своего рождения. Гордыня это! От отца своего он считал, когда тот сотворил мир. Так и мы... Ладно, пойду я в казематы мои. Принесу деньгу твою к царю-батюшке после вечерни. Позвал он меня поиграть в шашки. А ты его ещё долго лечить будешь?

– Дней пять ещё. А скажи, деда, вправду, что царица слегла?

– О том не велено говорить, но да, слегла. С конца зимы едва встаёт.

– Умрёт скоро, – подумал я, а вслух сказал. – Может и её попробовать пчёлами полечить? Поможет не поможет, но хуже вряд ли будет...

– А вдруг помрёт? Тогда государь тебя на лоскутки порежет. Очень он Настасью любит. Души в ней не чаёт. Не заговаривай с царём про лечение Настасьи. Он за любую соломинку готов схватиться, кого только не приглашал. Даже волхвов с северного моря. Приходили те и только смерть её предсказали. В августе, сказали, преставится и помочь ничем нельзя. Новых английских лекарей государь вызвал.. Тот что был, Ральф, преставился в том годе. А напарник Ральфа, как его? Ричард! Тот царицу лечить отказался. Дескать, может только людей резать, ноги-руки пилить и кровь пускать. Зело государь на него осерчал. Едва не убил до смерти. Дженкинсон его спас и с собой в Архангельск увёз другое посольство встречать. Сегодня должны были с поездом посольским приехать. У царицы сейчас небось. А ты, Федюня, не

мешай царице умереть, не бери на себя чужой грех. Их тебе своих на всю жизнь хватит. Ладно... Пойду я... И спасибо тебе. Фёкла за тобой присмотрит. Лежи.

Дед потрепал мои волосы и вышел, а я задумался о том, за что он одарил меня «спасибом». Осмотревшись и увидев на полу серую тряпицу с пучком разрезанных кинжалом нитей, поднял её. В голову ударило болью, всё закружилось и я едва не бухнулся головой в пол. Удержавшись на ногах, я всё-таки вытравил утреннюю пшённую молочную кашу и с сожалением вспомнил, какая она была вкусная, томлёная с вечера в печи. Сейчас её вид и запах меня расстроил.

– Фёкла! – крикнул я. – Фёкла, вытри пол!

* * *

Стукнулся я головой сильно. Я лежал, а меня тошнило и кружилась голова. Стоячее положение я воспринимал плохо. Фёкла прибежала и вздыхая-охая прибрала за мной, а потом принесла тряпицу со льдом, добытом в дедовом леднике. Со льдом на шишке было хорошо.

Вот интересно, – думал я. – Затылком и лбом прикладывался в «той» жизни не раз, и ничего, а ударился боком и всё. Мозготрясение случилось, или как его... Сотрясение мозга.

Какая-токая «прошлая жизнь», я уже даже не удивлялся, что она была. Сказывали пацаны про переселения души. Якобы проживает она жизнь и когда человек умрёт, переселяется в другого младенца. Но обычно переселяется без разума, который остаётся у Бога. А потому, человек должен снова получать знания. А у меня, почему-то, чужой разум частично остался.

Я принял это объяснение присутствия во мне способностей и знаний, к изучению которых я не приложил никаких усилий, с великим облегчением. Чувствовать себя вместилищем сверхъестественных сущностей не хотелось.

Ещё пацаны сказывали, что Бог, посылая такую, отягощённую знаниями душу, по великому умыслу, позволяя ей помнить не только, что с ней было, но и видеть то, что будет. Старшие пацаны объясняли это тем, что Бог мог послать душу в тело, которое родились много раньше. Вспомнив такие крамольные разговоры, за которые попы накладывали епитимью, я принял сие за факт, ибо ничего демонического в себе не ощущал.

Обдумав это, я переключился на историю с запиской. Принимать предложение деда мне надо было обязательно, потому, что его байка про выгашенный из ножен, якобы для разрезания ниток, кинжал, не выдерживала никакой критики. Я помнил его остановившийся на мне взгляд и помертвевшее лицо. Только потеря мной сознания, сломала ход событий. Одно дело убить живое трепещущее у тебя в руках существо, и совсем иное беспомощное, нуждающееся в помощи. Добить жертву гораздо труднее, нежели убить в схватке врага.

Минута раздумья привела деда к мысли, что можно попытаться использовать внука в его шпионских делах. Согласится – хорошо, а нет, так и не надо. Река широка, а глубоких ям на пересохшем русле, в которых мальчишки ловят рыбу, и сейчас предостаточно. И дом свой осквернять Головин не хотел убийством родича. Великий то грех есть. Врага у себя в доме убить – да сколько угодно, а родича кровного нельзя.

К таким выводам пришёл даже не я, а моё второе я, разложив мне ситуацию по полочкам. Спросив его, на всякий случай, «кто ты» и не дождавшись ответа, я удовлетворился объяснением поступков деда. «Некто», сидящий в моей голове предложил мне поучаствовать в незаконной деятельности деда по-настоящему, объясняя, что это сейчас для меня единственная реальная возможность прилично заработать.

Отчего-то я знал, что англичане сейчас являются реальной силой, которая вольно или невольно воздействует на поступки русского царя Ивана Васильевича. Даже тот факт, что все английские купцы имеют привилегию беспрошальной торговли и даже используют для расчётов свои серебряные деньги, говорил о многом. Опять же... английские врачеватели... Русский царь делал ставку на них и будет рассчитывать на них до конца своих дней. А жить он будет долго, почему-то точно знал я.

– Может я просто провидец? – подумалось мне, и я быстро-быстро перекрестился. – Не дай Бог. Главное – не начать блажить. Провидцы все блажат. Вон их сколько на паперти бывает на пасху. Тот же Василий Блаженный... Говорят, победу над Казанью предсказал и рождение первенца царского день в день.

Почему я сказал, что тысяча пятьсот шестьдесят четвёртый год, до которого осталось четыре года, будет тяжёлым? – сам себя спросил я и ответил. – Да потому, что царь российский начнёт гнобить бояр, да ломать через колено князей родов древних. Черкесы понаедут, ногаи, татары...

И тут я «вспомнил всё»! Вспомнил, кто я, откуда, и как попал в это тело. И сколько мне тогда было лет. Тогда, мать его, когда я попал в новорождённое тело! Мне тогда было сорок восемь лет, когда я умер в две тысячи двадцать четвёртом году. От осознания такого «попадалова» у меня даже голова перестала болеть и куда-то исчезла тошнота.

– О, бля! – сказал я и сел, свесив свои мальчишеские ноги с сундука.

Всё встало на свои места. Понятно теперь откуда у меня: и мои знания иностранных языков, и мои познания в бухгалтерии, и мои навыки и знания рукопашного и сабельного боя, и некоторое знание истории.

Я вспомнил, что в конце жизни был главным врачом одной из больниц Москвы, а до этого неплохим хирургом. Однако в две тысячи первом году при проведении операции у меня, когда я, ковыряясь в бедренной кости бойца, получившего ранение крупнокалиберной пулей, пытался удалить её осколки, сломался скальпель, маленький кусочек которого отлетел и попал в левый глаз.

Глаз спасти не удалось, и мне пришлось завязать с хирургией и переучиваться на администратора, закончив не только медицинский лечебный, но и экономический факультеты. Это, если говорить про латынь и бухгалтерию. Греческий я изучил в это же время, увлёкшись исторической реконструкцией и, собственно, историей. Было у меня начиная с две тысячи одиннадцатого такое увлечение.

У людей появились деньги, которые надо было куда-то девать. У некоторых людей появились очень большие деньги, и дорогое хобби – историческая реконструкция. Вот и тратили они «честно заработанные» на театральные представления. Заказывали у кузнецов-умельцев похожие на натуральные щиты, мечи, сабли и доспехи для себя и своих, менее обеспеченных друзей и приятелей. Наряжались, как артисты и статисты и имитировали сражения, что называлось таинственным словом «историческая реконструкция».

Глава 8.

Я не был слишком богатым, однако и не был обременён семьёй и детьми на стороне, поэтому экипировал себя сам, перевозя драгоценное имущество на громадном трёхколёсном мотоцикле марки «Харлей Дэвидсон». Вот на этом Харлее я и попал под «фуру» в августе две тысячи двадцать четвёртого, возвращаясь по Смоленской автотрассе с очередного «потешного ристалища».

Вспомнив момент столкновения с летящим на меня и ярко освещающим жертву фарами стальным монстром, я вздрогнул от пронзившего меня электрического тока. Умер я хоть и быстро, но очень болезненно.

– Так-так-так, – подумал я. – Мне дан ещё один шанс? Странно. Почему, зачем и, главное, за что? Когда я родился тот раз, такого эффекта не было. Достигать совершенства пришлось медленно и с большим трудом. Ха-ха! Про совершенство я, конечно, загнул. Не был я никаким совершенством. Неплохим хирургом был, да. Стал неплохим администратором, потому, что разобрался в бухгалтерии, так, что даже удалось не сесть, за прегрешения предыдущего главврача, передавшиеся мне «по наследству».

Я осмотрел окружающий меня мир, совершенно другим глазами. Елы палы! Я же ещё сегодня утром говорил с самим Иваном Грозным! Ни хрена себе! И видел его, твою мать, голую задницу. И главное, я видел его голую спину. В которую мог вогнать кривой кинжал. А почему «кривой»? И зачем вгонять кинжал в спину Ивана Грозного?

Я потряс головой, спасаясь от наваждения и чёрных мыслей, и, тут же ойкнув от боли и смещения стен комнаты, закрыл глаза и снова лёг на перину.

Теперь я полностью ощущал себя взрослым. Детские мысли исчезли. Ещё совсем недавно мне хотелось делать несколько дел одновременно, читать, бежать, строгать и драться на саблях. Сдерживало меня только моё «мозготрясение». Точно так же я чувствовал себя с того самого момента, как я стал себя ощущать человеком. И чувствовал постоянно. Заставлять себя делать что-то одно было очень тяжело, но я, в конце концов с сбой научился справляться. Но в голове всё равно я то и дело отвлекался и мне с трудом удавалось себя уговорить.

Сейчас же я чувствовал себя спокойным, как удав и внешне и внутренне. Постоянно «звонящий» и тревожащий меня нерв исчез. Я просто лежал и размышлял. Не думал, а именно размышлял по-взрослому, строя планы на будущее.

Совсем по-новому осознавая своё положение в этом мире и всю степень опасности, которая меня ожидает на всём протяжении моей жизни, меня постепенно заполнял животный страх. Сдохнуть тут можно было не только от посадки на кол, но и от любой болячки, типа простуды.

Я вспомнил, что упомянутый моим дедом английский лекарь Ральф, а по факту – Ральф Стендиш – действительно умер в Москве, как писали исторические хроники, от банальной кишечной палочки. А я жру всё подряд и даже руки не всегда мою. Меня передёрнуло и едва не вывернуло, когда я вспомнил, что и после сегодняшнего утреннего туалета, закончившегося подтиркой зада соломой, руки я не помыл, а кусок хлеба и кашу съел, да ещё и пальцы облизал.

– Тьфу, – сплюнул я на пол наполнившую рот тошнотворную слюну.

Да и тот чан, стоявший на улице, где мы с дедом умывались, тоже не часто заполнялся свежей водой.

– Тьфу, – снова сплюнул я и сказал: – Чистота, млять, – залог здоровья!

Услышав колокольный благовест, я поднялся и слегка покачал головой, проверяя своё состояние. Не хватало ещё мне потерять сознание во время службы и бухнуться на пол в церкви. Скажут тогда, что Федька Никитич бесами полонён.

Не почувствовав слабости и головокружения, поднялся, намотал портянки, обулся в сапоги, положил склянку с пчёлами запазуху и осторожно поспешил в церковь. В храме царил полумрак. Хоть и стояло солнце высоко, но узкие щелевидные окна пропускали немного света.

Солнечные лучи проникали сверху и освещали иконостас. Большинство светильников также размещалось перед иконостасом. Напротив деисуса висело три медных паникадила, а немного западнее еще три: два деревянных и одно медное. Напротив местных икон в нижнем ярусе иконостаса стояло двенадцать поставных свеч (подсвечники у них были глиняными, а насвечники, куда вставляли свечи, – медными). Горящие кусты паникадил и мерцание отдельных свечей освещали дивной красоты иконостас.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.